

Кирси Линкосуонио

Отец, герой и святой дух:

Дискурсивная легитимизация руководства
Владимира Путина в *Комсомольской правде* во
время войны в Украине

Факультет информационных технологий и коммуникационных наук
Магистерская работа

Апрель, 2023

АННОТАЦИЯ

Кирси Линкосуонио: Отец, герой и святой дух: Дискурсивная легитимизация руководства Владимира Путина в Комсомольской правде во время войны в Украине

Магистерская работа

Университет Тампере

Магистерская программа по языкам: русский язык

Апрель 2023

24 февраля 2022 года по приказу Президента Российской Федерации Владимира Путина началась специальная военная операция на Украине, направленная на демилитаризацию и денацификацию Украины. Это решение было принято в результате ответа на угнетение и насилие, которым украинцы якобы подвергались со стороны их "фашистского", незаконного режима, находящегося под прямым контролем Запада. Конфликт, происходящий на Украине, является продолжением российской аннексии Крыма и Восточной Украины в 2014 году, предпринятой с целью укрепления демократии путем поддержки желания населения присоединиться к России. Помимо своих геополитических измерений, война важна в контексте власти Путина; его правление, длящееся уже более двух десятилетий, характеризуется напористой, авторитарной и все более консервативной политикой. В этом контексте имидж Путина как лидера, понимаемый в тех же терминах, так же важен, как и сама политика. То есть, как я предполагаю, в авторитарной системе, такой как Россия, власть конструируется вне (демократических) политических процессов – в случае Путина, через его культ личности и статус национального героя. В России контролируемые государством СМИ и создаваемый ими публичный имидж играют центральную роль в поддержании культа личности и доминирования Путина.

Цель моей магистерской работы – изучить представление Путина и его политики в дискурсах российских государственных СМИ и то, как это, в свою очередь, воспроизводит способы его легитимизации как политического лидера 16 новостных текстов, опубликованных *Комсомольской правдой* во время войны в 2022 году, в которых Путин упоминается тем или иным образом.

Теоретический подход моей работы основан на ключевых идеях критического дискурс-анализа с привлечением понятия злоупотребления властью в обществе, поддерживаемого и насаждаемого посредством дискурса. Методология работы основана на модели легитимации Тео ван Левена посредством дискурса и коммуникации. Мой анализ проходит в следующем порядке: (1) авторизация, (2) моральное оценивание, (3) рационализация и (4) мифопоэзис как средство легитимации. На основе вышеупомянутых категорий я попытаюсь проанализировать и установить как прямые, так и косвенные способы легитимации власти в отношении Путина и его режима в целом, которые применяются в изученных статьях, посредством представления благоприятного общественного имиджа и поддержания поддержки – и, как таковые, функционируют для легитимации авторитарной власти. Как будет установлено, важным аспектом этого процесса является (де)легитимация врага, Запада. На основе моего исследования я предлагаю провести дальнейшие исследования роли СМИ в политических процессах в России путем дальнейшего изучения роли российских СМИ в ходе войны и особенно в ее конце.

Ключевые слова: российские государственные СМИ, украинская война, Путин, легитимация, власть, политическое лидерство, злоупотребление властью

Оригинальность исследования проверена с помощью программы Turnitin OriginalityCheck

TIIVISTELMÄ

Kirsi Linkosuonio : Otets, geroi i sviatoi dukh: Diskursivnaia legitimizatsiia rukovodstva Vladimira Putina v *Komsomol'skoj pravde* vo vremia voiny v Ukraine / Isä, sankari ja pyhä henki: Vladimir Putinin johtajuuden diskursiivinen legitimointi *Komsomolskaja pravda*-lehdessä Ukrainan sodan aikana

Pro gradu -tutkielma
Tampereen yliopisto
Kielten tutkinto-ohjelma, venäjän opintosuunta
Huhtikuu 2023

Helmikuun 24. päivänä 2022, Venäjä julisti presidentti Vladimir Putinin johdolla aloittaneensa ”erityisoperaation” Ukrainassa, tarkoituksenaan demilitarisoida Venäjän raja-alueet. Venäjä kertoi päätöksen operaatiosta olleen seurausta siitä sorrosta ja väkivallasta, jota Venäjän fasisistisena ja laittomana pitämä Ukrainan hallitus harjoitti kansalaisiaan kohtaan lännen tuella. Helmikuun operaatiosta alkanut täysmittainen sota on jatkumoa Venäjän vuonna 2014 alkaneelle Krimin ja Itä-Ukrainan miehitykselle, jonka pyrkimykseksi Venäjä esitti tarpeen tukea alueiden väestöjen toivetta liittyä Venäjään.

Tässä pro-gradu -tutkielmassa lähdän liikkeelle siitä näkemyksestä, että Venäjän sotilaallinen operaatio on geopolitiittisten ulottuvuuksiensa lisäksi merkittävä Presidentti Putinin vallan tarkastelun näkökulmasta. Putinin kolmannelle vuosikymmenelle jatkunutta valtakautta on määritellyt etenevissä määrin konservatiivinen, autoritääriinen ja aggressiivinen politiikka. Paitsi Putinin ajan politiikkaa, määrittelevät nämä termit myös käsitystä Putinista itsestään poliittisena johtajana. Venäjän kaltaisessa autoritäärisessä valtiossa poliittinen valta rakentuu demokraattisten prosessien ulkopuolella. Putinin tapauksessa valta perustuu muun muassa hänen henkilökulttiinsa ja asemaansa kansallissankarina. Venäjällä valtion kontrolloimalla medialla ja sen välittämällä julkisuuskuvalla taas on keskeinen rooli Putinin henkilökultin ja valta-aseman ylläpitämisessä.

Tarkastelen opinnäytetyössäni, miten Putin ja hänen poliittinen johtajuutensa esitetään Venäjällä valtion kontrolloimassa mediassa, ja miten hänen johtajuutensa esittäminen osallistuu hänen valtansa legitimointiin. Tutkielmaani varten olen hyödyntänyt 16 *Komsomolskaja Pravda* -lehdessä sodan aikana julkaistua uutistekstiä, jotka käsittelevät tai viittaavat Putiniin eri tavoin. *Komsomolskaja Pravda* on perinteikäs ja laajasti luettu tabloidi-tyyppinen iltapäivälehti ja digitaalinen uutisalusta, joka jo ennen sotaa lukeutui valtiota myötäileviin medioihin. Työn teoreettinen lähtökohta pohjautuu kriittiseen diskurssianalyysiin ja sen diskursiivisen vallankäyttöön pureutuvaan metodologiaan. Menetelmänä käytän Theo van Leeuwenin mallia legitimoinnin prosesseista kommunikaation diskursseissa. Analyysi etenee malliin nojaten ja tarkastelen siinä analysoimiani mediatekstejä neljän legitimointia määrittelevän tekijän pohjalta, joita ovat: (1) auktoriteetti, (2) moraalinen arviointi, (3) rationalisointi, sekä (4) mytopoeesi. Yllä mainittujen kategorioiden pohjalta havaitsin sekä suoria, että epäsuoria vallan legitimoinnin tapoja, joita tutkimissani mediateksteissä käytetään Putinin ja hänen valtapiirinsä suosion ylläpitämiseksi ja voimistamiseksi, eli heidän autoritäärisen valtansa legitimoimiseksi. Analyysini osoittaa, että teksteissä sovelletaan monipuolisesti van Leeuwenin kategorioiden mukaisia legitimoinnin keinoja, ja että oleellisen osan tätä prosessia muodostaa ”vihollisen” eli lännen delegitimointi. Siinä, missä Putinin johtajuutta legitimoidaan kiistämättömänä esitetyn auktoriteetin sekä moraalisen ja rationaalisen toimijuuden pohjalta, länttä delegitimoidaan perusteettoman auktoriteetin sekä moraalisen rappion perusteella. Tutkimukseni pohjalta esitän lisätutkimusta tarvittavan median roolista poliittisissa prosesseissa Venäjällä, erityisesti meneillään olevan sodan kontekstissa ja sen päättyessä

Avainsanat: venäläinen valtionmedia, Ukrainan sota, Putin, legitimointi, valta, poliittinen johtajuus, vallan väärinkäyttö

Tämän julkaisun alkuperäisyys on tarkastettu Turnitin OriginalityCheck –ohjelmalla

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1. УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ И РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.....	11
1.1 Общее культурное наследие.....	11
1.2 Украинские государственность и национализм.....	13
1.3 Крым и украинский конфликт.....	15
2. ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В РОССИИ.....	18
2.1 (До)советская традиция.....	18
2.2 Россия: реформация и деградация.....	19
2.3 Образ российского лидера.....	21
3. ПРАВЛЕНИЕ И ПОПУЛЯРНОСТЬ ПУТИНА.....	24
3.1 Начало правления Путина: Чечня.....	24
3.2 Консолидация государства и национальной идентичности.....	25
3.3 Русский герой в Крыму.....	28
4. (ДЕ-)ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКИХ СМИ.....	30
4.1 Советское наследие.....	30
4.2 90-е: приватизация и коммерциализация.....	31
4.3 2000-е: этатизация и политизация.....	33
4.4 Развитие государственных и независимых СМИ.....	34
4.5 Комсомольская правда	35
5. КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ И ДИСКУРС ЛЕГИТИМАЦИИ.....	37
5.1 Критический дискурс-анализ.....	38
5.2 Ван Левен - Дискурс легитимации.....	39
5.2.1 Авторизация.....	40
5.2.2 Моральное оценивание.....	41
5.2.3 Рационализация.....	41
5.2.4 Мифопоезис.....	42
5.3 Метод изучения новостных текстов.....	42

6. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА.....	45
6.1 Легитимация посредством авторизации.....	47
6.1.1 Личный авторитет.....	47
6.1.2 Экспертный авторитет.....	49
6.1.3 Авторитет ролевой модели.....	50
6.1.4 Безличный авторитет.....	53
6.1.5 Авторитет традиции.....	55
6.2 Легитимация посредством моральной оценки.....	57
6.2.1 Оценивание	57
6.2.2 Абстракция.....	58
6.2.3 Аналогия.....	61
6.3 Легитимация посредством рационализации.....	63
6.3.1 Инструментальная рационализация.....	64
6.3.2 Теоретическая рационализация.....	67
6.4 Легитимация посредством мифопоэзиса.....	69
6.4.1 Нравоучительная повесть.....	70
6.4.2 Поучительная история.....	71
6.5 Итоги анализа.....	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	79
ИСТОЧНИКИ.....	81

Введение

Целью данного исследования является изучение процесса сохранения и усиления власти посредством публичного дискурса в контексте России. Конкретно я буду стремиться изучить, как руководство Путина укрепляется и легитимируется российскими государственными СМИ, представленными здесь *Комсомольской правдой*, в контексте продолжающейся войны в Украине. Основная гипотеза, связывающая власть Путина как политического лидера и его представление в (государственных) СМИ, заключается в том, что власть Путина, основанная на его огромной личной популярности, а не на какой-либо политической легитимности, в значительной степени зависит от его общественного имиджа. Далее, как я буду утверждать в своем исследовании, развитие российских СМИ, подчиненных политике, привело к появлению медийно-политической системы в путинской России, в которой СМИ, юридически ограниченные и управляемые коммерческими целями, стали чуть большим, чем только политическим инструментом режима. Таким образом, я выдвигаю гипотезу о наличии как прямой, так и косвенной связи между процессом политической легитимации власти Путина и его представлением в государственных СМИ.

Исследование в целом состоит из теоретической контекстуализации предмета исследования, представления теоретических основ и методологии анализа, а также самого анализа. Анализ, в свою очередь, влечет за собой изучение средств легитимации в дискурсе *Комсомольской правды* (с этого момента именуемый "КП") по отношению к Путину во время "специальной операции" на Украине в 2022 году; в частности, в качестве основы моего анализа я рассмотрю 16 статей, опубликованных в период с 24 февраля 2022 года по 31 декабря 2022 года. Как будет указано далее, я выбрала войну в качестве временной основы своего анализа вследствие ее актуальности в настоящее время как крупного геополитического события в Европе 21 века, а также ее значения в контексте правления Путина как стремления утвердить идентичность России как единая и сильная нация, а также как международная сверхдержава. С другой стороны, КП - популярное государственное СМИ, напрямую связанное с Путиным и, как таковое, обладающее заметным потенциалом в укреплении политической повестки дня. Помимо временных рамок, установленных выше, статьи, использованные в качестве материала для моего анализа, были выбраны на основе того, что их тема сосредоточена вокруг образа Путина.

Будучи доминирующим понятием в российских общественно-политических дискурсах, национализм является основополагающим элементом данного исследования. Национализм, согласно Лоуренсу (2016), предполагает представление о нации как о высшей форме человеческого сообщества и о том, что идентичность, присущая этому "воображаемому" сообществу, имеет приоритет в самоощущении человека как гаранта его выживания и благосостояния. Аналогично, нация понимается как сообщество, основанное на общем языке, истории, культуре или этнической принадлежности ее членов. В политике эта концепция проявляется в идее "национального государства", согласно которой государство основано на сообществе, идентифицирующем себя как одна нация (Lawrence, 2016). Понятие национализма актуально как в политической повестке дня Путина, так и на фоне политического развития в Украине, поскольку оба они выступают катализаторами аннексии Восточной Украины и эвентуальной войны.

Соответственно, я начну исследование с исторического обзора российско-украинских отношений, чтобы оценить корни нынешнего конфликта. Таким образом, я буду ссылаться как на общее и самобытное историческое и культурное наследие русского и украинского народов, так и на геополитические события в Европе после 1991 года, которые привели к конфликту. В главе 3 я кратко рассмотрю историю политического лидерства в России, чтобы лучше представить правление Путина в контексте советско-российской традиции и, таким образом, понять обстоятельства и основы его эпохи, начавшейся в 2000 году. Далее, в главе 4, я рассмотрю политику Путина и природу его лидерства и популярности на протяжении двух десятилетий пребывания у власти. Таким образом, я буду стремиться представить российскую аннексию Крыма в контексте политики Путина как стремление к исторически сложившемуся российскому величию и международному влиянию. Чтобы завершить теоретическую основу моего исследования, в главе 5 я дам краткий обзор развития российской медиасистемы, приведу соответствующие исторические события в процессе, поскольку я считаю это необходимым для иллюстрации траектории современной российской медиасистемы.

Чтобы заложить теоретическую основу своего исследования, я начну с представления центральных понятий критического дискурсивного анализа. Теория утверждает, что аспекты нашей реальности конструируются и реконструируются с помощью дискурсов – то есть устных, письменных или визуальных текстов – и этот процесс также затрагивает негативные аспекты общества, такие как злоупотребление властью (van Dijk, 2008). В контексте моего исследования я рассматриваю лидерство Путина как

форму злоупотребления властью, поддерживаемую общественным дискурсом посредством "политического" процесса, основанного на его культе личности. Далее я применю модель ван Левена для изучения легитимации власти через дискурс, чтобы конкретно установить и проанализировать способы поддержания и легитимации путинского лидерства и власти российскими государственными СМИ.

При этом моя гипотеза состоит из предположения о взаимосвязи СМИ и политики, с одной стороны, и легитимности Путина и его личной популярности с другой; таким образом, мой исследовательский вопрос заключается в том, **как путинское лидерство легитимируется посредством публичного дискурса в российских СМИ**. Далее я рассмотрю следующие вопросы в качестве ориентира для своего исследования:

- Как поддерживается власть Путина с помощью российского публичного дискурса?
- Какова цель изучаемых средств легитимации?
- Какая связь между личным имиджем и политической легитимностью очевидна в случае Путина?
- Какую роль делегитимации "другого" по отношению к легитимации "себя"?

Иными словами, мое исследование не связано с оценкой или исследованием поведения России или Украины на войне с точки зрения их морали или оправданности, освещением войны в российских или других средствах массовой информации, прогнозированием окончания или последствий войны или с изучением российской политики, общества или политического дискурса.

Что касается существующих исследований на эту тему, то, как показано в моем исследовании, украинский конфликт и российско-украинские отношения широко изучались такими авторами, как Саква в книге "Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands" (2015) и Плохий в книге "The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus" (2006). Саква исследует корни конфликта на Украине, который с тех пор перерос в войну, посредством краткого обзора русско-украинской истории и украинского национализма. Плохий (2006), с другой стороны, изучает историю славянских народов и идентичностей как основу геополитического развития региона. Иноземцев также связывает нынешний конфликт с исторически

укоренившимися спорами между русским и украинским народами в статье "From Muscovy to Russia and Back: The Aftermath of the Russo-Ukrainian War" (2022).

Тема политического лидерства в России рассматривается в контексте исторических политических систем, исторического развития российской политической системы, а также исторических лидеров российских режимов; в книге "Political Leadership Between Democracy and Authoritarianism Comparative and Historical Perspectives" (2022) Вятр исследует природу и развитие российского политического режима в его историческом контексте, уделяя особое внимание его авторитарным тенденциям. Уделяя аналогичное внимание институциональному аспекту российской структуры власти, Рейтер в книге "The Origins of Dominant Parties: Building Authoritarian Institutions in Post-Soviet Russia" (2017) исследует создание доминирующей партийной системы, характерной для России. Рассматривая политических лидеров как кульминацию властной элиты, как Бреслауэр (2010) в статье "Reflections on Patterns of Leadership in Soviet and Post-Soviet [Russian] History", так и Постуненко (2020), сосредотачиваются на феномене культа личности вокруг лидеров.

Таким образом, лидерство Путина является предметом огромного количества исследований. Что касается моего исследования, Саква (2017) в "Russia Against the Rest: the Post-Cold War Crisis of World Order" рассматривает лидерство Путина в контексте социальной, политической и экономической турбулентности постсоветской России, в то время как Трейсман в статье "Why Putin Took Crimea: The Gambler in the Kremlin" (2011) представляет лидерство и популярность Путина в отличие от его предшественника Бориса Ельцина. Более того, Копосов в статье "The Only Possible Ideology: Nationalizing History in Putin's Russia" (2022) развивает идею связи между российской национальной идентичностью и Путиным, обращаясь к амбициозной национализации при нем. Наконец, как способ отразить исследование украинского конфликта, я представляю позицию Казулы (2014) в книге "The Road to Crimea: Putin's Foreign Policy Between Reason of State, Sovereignty and Bio-Politics".

Кроме того, существует довольно значительный объем исследований, посвященных развитию советско-российских СМИ. Как один из основных авторов по этому вопросу, Вартанова (2012), (2019) изучает обе советско-российские медиа-системы через их институциональные особенности и связи с властными структурами. Аналогичным образом Кирия (2019) в статье "New and Old Institutions Within the Russian Media

System" исследует особенности современной российской медиасистемы через ее институциональные корни в российских социокультурных традициях, предшествовавших революции, с целью оспорить превосходство западной медиамодели, навязанной России с 1991 года. Далее, рассматривая эту мешанину властной элиты, социально-экономических переходов и культурных трансформаций, Засурский в книге "Media and Power in Post-Soviet Russia" (2016) исследует российские медийно-политические структуры.

Наконец, что касается области исследований аннексии Крыма в 2014 году; по этому вопросу существует множество исследований, включая медиаисследования; в статье "Ukrainian Crisis through the Lens of Russian Media: Construction of Ideological Discourse" (2017) Пасительска рассматривает использование российских телевизионных СМИ для мобилизации политической поддержки посредством идеологического дискурса. Соответственно, Алыков (2021) в книге "News Reception and Authoritarian Control in a Hybrid Media System: Russian TV Viewers and the Russia-Ukraine Conflict" исследует, как Россия, как авторитарная система, контролирует распространение информации в политических целях и формирует восприятие граждан с помощью различных медиа платформ. Эта медийно-политическая взаимосвязь в контексте российской аннексии также рассматривалась Казуном (2016), поскольку автор анализирует влияние иностранных санкций, введенных в отношении России, на популярность Путина.

Однако я утверждаю, что необходимы более конкретные исследования медийно-политической системы, существующей в России, чтобы лучше понять взаимоотношения между СМИ и властью, нацией и режимом в России. Согласно моему предположению, существует прямая и косвенная связь между медийным (политическим) механизмом и воспринимаемой легитимностью Путина, как, возможно, авторитарного лидера. Дальнейшее изучение этой связи и ее конкретных проявлений дало бы разностороннее представление о работе российской политической системы, властных структур и характере путинского лидерства, а также о его общественном восприятии и основе популярности Путина. Более чем когда-либо необходимо более глубокое понимание российского режима, его целей и механизмов работы как во время конфликта, так и после него.

1. Украинский конфликт и российско-украинские отношения

Чтобы изучить политическое руководство Путина и его представление в средствах массовой информации в контексте украинской войны, мы сначала должны установить понимание корней продолжающегося конфликта и, как таковых, российско-украинских отношений в целом. Хотя эти две нации исторически и культурно взаимосвязаны, существуют различные и противоречивые взгляды на степень и глубину единства или, наоборот, на различие между русской и украинской национальностями и национальной идентичностью. Кроме того, вопрос национальной идентичности был предметом многочисленных споров на постсоветском пространстве с момента распада Советского Союза в 1991 году. В случае России и Украины усилия по созданию нового государства с присущим ему (совпадающим) чувством национальности оказались взаимосвязанными сложным образом; а именно, настойчивые стремления Украины к установлению национальной идентичности путем полного отделения от России и общего культурного наследия столкнулись с российским стремлением к национальной идентичности, неотъемлемой частью которого является утверждение глобального влияния и регионального доминирования. Ниже я рассмотрю данный вопрос, обратившись к историческим российско-украинским отношениям, последовавшим за возникновением украинского национализма, и, в конечном счете, увеличив масштаб рассматриваемого конфликта (Sakwa, 2015).

1.1 Общее культурное наследие

Российско-украинские отношения, несмотря на общее культурное наследие, исторически определяются конфликтом и борьбой. В своей работе “The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus” (2006) Сергей Плохий изучает общую историю и культурное наследие трех славянских народов как основу нынешних российско-украинских отношений, описывая их как выходящие за рамки любых современных представлений о национальной идентичности или национальности – эта связь воплощенная в исторической Киевской Руси, культурной прародине России, Беларуси и Украины. Киевская Русь была федерацией, состоящей из нескольких восточнославянских племен, расположенных в Восточной Европе с девятого по тринадцатый век. Помимо участия в общем культурном и политическом сообществе, современные народы России, Беларуси и Украины стали разделять православную религию – наследие, которое, по-видимому, осталось даже после

разделения нации монголами. Как таковой, киевский князь Владимир, крестивший народ как православный в Херсонской области, Крым, имеет цивилизационное значение как для русского национального самосознания, так и для Украины.

Один из взглядов известный с XVIII века как малоруссизм, рассматривает Украину как что-то производное от великорусской идентичности, а украинский – как простой диалект русского языка; следовательно, этот подход не видит оправдания украинской независимой государственности. На другом конце спектра "украинисты" будут утверждать, что Украина давным-давно встала на путь особой национальной идентичности и независимости, свидетельством чего является появление украинского языка, и таким образом стремятся стереть любое имперское наследие, связывающее Украину с российской цивилизацией. Кроме того, есть сторонники своего рода плюралистического взгляда на украинскую историю и национальную идентичность, которые признают украинскую роль в славянском наследии и наоборот. В то время как малорусская точка зрения отстаивается Путиным и несколько распространена в России, а украинистская точка зрения поддерживается украинскими националистами, все эти точки зрения существуют в украинском обществе и играют определенную роль в украинском кризисе (Plokhii, 2006).

Аналогичным образом, продолжает Плохий, постоянное колебание между Востоком и Западом, определяющее украинскую национальную идентичность и в настоящее время актуализируемое на оси Европа-Россия, исторически обосновано. Будучи раздробленной и передававшейся между Османской империей, Речью Посполитой и Австро-Венгрией, среди прочих, современная Украина складывалась по кусочкам на протяжении веков; Казацкое гетманство центральной Украины перешло под власть Российского царства по Переяславскому договору 1654 года, в то время как Крымская область была присоединена к России в 1784 году, что привело к массовой депортации татарского населения. Крым был передан под украинскую юрисдикцию в 1954 году, несмотря на то, что большинство населения составляли русские; тем не менее, к 19 веку появилось общее представление об особой украинской идентичности даже в восточных частях Украины, таких как Донбасс, также традиционно находящихся под влиянием России – отличительная идентичность, однако, с акцентом на русский язык и культурные связи (Plokhii, 2006).

Западноукраинские части Галиции и Закарпатья исторически находились под

западным влиянием и стали частью Советского Союза только в 1944 и 1945 годах соответственно, что вызвало антироссийские настроения в регионах; они были унаследованы Украиной после 1991 года. В соответствии с этим различием, Западная Украина придерживается другого направления православной религии, которое присягает на верность папе Римскому, в то время как часть Восточной Украины следует Киевскому патриархату, а часть – Московскому патриархату Украинской православной церкви. Учет такого глубоко укоренившегося и всеобъемлющего разнообразия был широко обсуждаемым вопросом для Украины после обретения независимости в 1991 году, и неспособность предоставить реальное конституционное признание плюрализма национальностей и идентичностей, преобладающих в государстве, как попытка создать унитарное, культурно неделимое национальное государство, лежит в основе нынешнего кризиса (Plokhii, 2006).

1.2 Украинский государственность и национализм

Продолжая тему украинского национализма, Ричард Саква в своей книге "Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands" (2015) исследует корни конфликта на Востоке Украины и "украинский кризис" на его фоне. Что касается мировой политики, Саква называет три различных фактора, ведущих к тому, что сейчас вызвало войну в Украине: ограниченная политика между Востоком и Западом после холодной войны, глубоко укоренившийся конфликт украинской национальной идентичности, а также изменения в международном балансе сил в результате продвижения Организация Североатлантического договора (НАТО) и Европейского Союза (ЕС) на восток, приблизившихся к российской границе. В частности, что касается времен холодной войны, то Саква обращает наше внимание на ее непростой финал как на один из катализаторов конфликта в Украине; несмотря на распад Советского Союза, Россия не считала себя побежденной нацией, в то время как Запад, с США на переднем крае, рассматривал окончание войны как знак оправдания демонизации поверженного врага, а также идеологии, которую он олицетворял. Следовательно, "холодный мир", последовавший за окончанием холодной войны, ознаменовался увековечиванием настроений и практики времен холодной войны, а также, следовательно, неспособностью установить конструктивные отношения между Россией как правопреемницей СССР и Западом. В результате расширение НАТО на восток с 2004 года создало геополитический парадокс, в котором Россия не видела причин для безопасности, происходящей слишком близко к ее границе, в то время как эта

кажущаяся враждебной реакция России, в глазах НАТО, создала причину для усиления секьюритизации (Sakwa, 2015).

С другой стороны, согласно Сакве (2015), неспособность украинского государства учесть множественность национальных идентичностей в пределах своих границ и последующая напряженность проложили путь к возникновению кризиса. Монистический, украинистский взгляд на украинскую государственность настаивал бы на том, что для того, чтобы Украина утвердилась как современное национальное государство (независимое от России), следует поощрять унитарное представительство национальности, основанное на украинском языке и культуре и подчеркивающее связь между этнической принадлежностью и государством. Это направление украинского национализма опирается на наследие Организации Украинских Националистов (ОУН), созданной в 1929 году, которая ценила национальность и видела ее защиту в качестве конечной цели. Агрессивное продвижение этнически унитарного украинского государства также включает в себя, таким образом, стирание общей истории Украины и России; поскольку Россия считается деспотической как до, так и после коммунизма, антирусскость является неотъемлемой частью движения. Эта точка зрения не поддерживается русскоязычным населением, для которого российское влияние и советский опыт являются благоприятными факторами в украинской истории.

Согласно Сакве, такой "восстановительный" подход к государственности встречается в нескольких посткоммунистических государствах и основан на идее перестройки, восстановления некоего утраченного идеала, в современном контексте обозначаемого как "украинизация", которая стала политическим ориентиром нового независимого государства. Эта миссия была воплощена в конституции 1996 года, которая еще больше укрепила позиции украинского как государственного языка. Одновременно попытки создать нацию, основанную на общем культурном опыте, привели к маргинализации части нации, русофонов, глубоко недовольных социально-политическим развитием (Sakwa, 2015).

Тем не менее, несмотря на отсутствие конституционной инклюзивности, мало что указывает на то, что гражданские права русскоязычного населения были нарушены. Однако очевидно, что признание украинского единым государственным языком шло вразрез с широким использованием русского языка в обществе. Националистический пыл в Украине был усилен рецессией 2008 года, которая ускорила социально-

политические разногласия и сыграла на руку националистическим партиям, таким как "Свобода" и "Батькивщина". Партия "Свобода", первоначально основанная в 1991 году, была охарактеризована как ультранационалистическая партия с открытыми намеками на нацизм и связями с другими европейскими ультраправыми движениями. Следовательно, предполагает Саква, притяжение, которое украинские националисты испытывали к ЕС, было основано на его ценности как рычага противодействия российскому влиянию, а не на его идеологической привлекательности (Sakwa, 2015).

И наоборот, плюралистическое понятие украинской национальности подчеркивает национальную инклюзивность и разнообразие современной украинской нации как состоящей из разрозненных людей, образующих фрагментированную государственность, с фрагментированным историческим опытом, но объединенных стремлением к гражданской украинской государственности. Такой точки зрения придерживалось национально-независимое движение "Рух", которое, хотя и было влиятельным до обретения Украиной независимости, впоследствии оказалось в тени более радикальных националистических движений. Это движение предлагало, чтобы все народы, составляющие Украину, были в равной степени заинтересованы в развитии страны, в то же время вряд ли отрицая центральную роль украинского языка и идентичности. Как указывалось ранее, эти различные взгляды на украинскую государственность соответствуют пространственному разделению на восточную и западную Украину, где на востоке преобладает плюрализм, а на западе – монизм. В качестве демонстрации в 2001 году около 77% крымчан заявили, что русский является их родным языком, при этом в среднем по всей Украине этот показатель составлял 29,6%. Тем не менее, большинство населения Восточной Украины идентифицирует себя как украинцы, хотя и с тенденцией к российскому влиянию (Sakwa, 2015).

1.3 Крым и украинский конфликт (в российском контексте)

Как полагает Иноземцев (2022), кажется очевидным, что у русских и украинцев несколько разные представления о деталях культурного наследия и легитимности украинской государственности. Для Путина Украина является своего рода краеугольным камнем его националистического нарратива (Иноземцев, 2022). Таким образом, с российской точки зрения, политический прогресс Украины, особенно с 2000-х годов, а также в Европе в целом, стал чем-то вроде повода для беспокойства по поводу безопасности; заметное расширение ЕС в 2004 году включало многочисленные

восточноевропейские государства, такие как страны Балтии, Венгрия, Чехия и Польша, в то время как НАТО также расширяло сферу своего влияния на восток после распада Советского Союза (Inozemtsev, 2022). Как продолжает Саква, заявка Украины на членство в ЕС в 2009 году была рассмотрена российским руководством как посягательство на "ближнее зарубежье" России, ее сферу влияния и нацию, которая считается культурно и исторически значимой для России как последняя капля в тревожной серии событий в Европе в новом тысячелетии (Sakwa, 2015).

Как подтверждает Иноземцев, помимо этих событий, интерпретированных российской политической элитой как угроза суверенитету государства, доминирующий национализм и растущие антироссийские настроения в Украине, где проживает значительная русская диаспора, подтолкнули Россию к ответным действиям. Это было сделано в начале 2014 года, поскольку российские вооруженные силы захватили и аннексировали Крымский полуостров и, в конечном счете, восточные украинские регионы Донецка и Луганска (Донбасс), районы с высокой концентрацией русскоязычного украинского населения. Событие, вызванное шок у международного сообщества, было оправдано Россией просто как попытка защитить русскую диаспору, проживающую в Украине, которая якобы находилась под гнетом репрессивного, антироссийского, а теперь и нелегитимного политического порядка. То есть после отказа украинского правительства при пророссийском президенте Викторе Януковиче согласиться на Соглашение об Ассоциации между Европейским Союзом и Украиной, в ноябре 2013 года поднялась волна демонстраций, сконцентрировавшихся в столице Киеве, с требованием отставки президента и его правительства уйти в отставку на основании их предполагаемой коррупции и преданности России. В результате после многочисленных жертв было сформировано временное правительство, а Янукович был отстранен от должности к концу февраля 2014 года. Ссылаясь на неконституционность и, следовательно, нелегитимность временного правительства, Россия аннексировала Восточную Украину под предлогом защиты своих граждан (Inozemtsev, 2022).

Казула (2014), считает, что конфликт в настоящее время заключается в отказе Украины признать состоявшиеся в аннексированных россиянами регионах референдумы о присоединении к Российской Федерации действительными. Конфликт достиг международных масштабов, усиливая динамику, напоминающую холодную войну. Как для Запада, который занял позицию против России в войне, так и для России конфликт представляет собой вопрос силовой политики (в случае с Россией связанной со

стремлением вновь утвердиться в качестве великой державы в 21 веке). Далее, Казула постулирует, что российская концептуализация суверенитета как "великой державы" включает четкие сферы влияния, неотъемлемой частью которых является Украина, и территория которых также должна быть защищена соответствующим сувереном. Более того, Путин ссылается на соблюдение международного права в отношении российской политики в Украине; отмечается, что после незаконного смещения Януковича возникшее правительство сделало это на незаконной и неконституционной основе, тем самым оправдывая иностранное вмешательство. Следовательно, Украина, как и другие бывшие советские республики, воспринимаются Россией как связанные с ней не только историко-культурными средствами, но и конкретно, через общее население (Casula, 2014).

Аналогичным образом Рывчин (2022) отмечает преобладание "войны" в российском политическом дискурсе за пределами Украины; Великая Отечественная война вновь стала мощной частью националистического нарратива в 21 веке, в то время как Вторая Чеченская война (1999-2009) формирует основу ранней популярности Путина и его публичной персоны как политического лидера. Кроме того, Наполеоновские войны также упоминаются как источник национальной гордости и героизма, а Наполеон и Гитлер сравниваются с побежденным (фашистским) врагом нации. Более того, славные военные победы прошлого преподносятся как аналог конфликта, происходящего в настоящее время. В частности, в контексте Великой Отечественной войны вклад России в победу над фашизмом отражается в российской международной политике в настоящее время, сопровождаясь воспринимаемой угрозой глобального морального краха и идеологической коррупции. Этой угрозе Россия должна противостоять посредством возвращения к 'традиционным ценностям', основанным на прославленном построении российской истории, а также православной религии (Ryvchin, 2022).

2. История политического лидерства в России

Вятр в книге "Political Leadership Between Democracy and Authoritarianism Comparative and Historical Perspectives" (2022) изучает проявление политического лидерства при различных режимах в истории. Он предполагает, что политика исторически изучалась с точки зрения лидеров их сообщества, будь то монархи, военачальники или пророки, наряду с сопровождающей их политической элитой и институтами, как способ получить представление о мотивах, ценностях и состоянии данного сообщества. В контексте России (политическое) лидерство часто рассматривается с точки зрения силы и революционного видения страны (Wiatr, 2022).

Для целей моего анализа я впредь буду рассматривать Путина как олицетворение и лицо его режима. Рассматривая историю российской нации, я буду стремиться установить понимание политической традиции нации, чтобы обеспечить контекст для нынешнего политического руководства страны, репрезентация которого в средствах массовой информации является темой моего анализа. То есть следующий краткий обзор истории российского лидерства приблизит тему, начиная с политических особенностей и действующих лиц в советско-российском контексте, переходя к современной постсоветской России и заканчивая кратким описанием образа российского лидера.

2.1 (До)советская традиция

Бреслауэр утверждает в своей работе "Reflections on Patterns of Leadership in Soviet and Post-Soviet [Russian] History" (2010), что в советско-российской истории существует тенденция навешивать ярлыки на эпохи, основанные на политических лидерах, в дополнение к сопутствующим им 'измам'; ленинизм, сталинизм, хрущевизм – а теперь путинизм. Следовательно, о некоторых советско-российских лидерах в этой связи говорят в терминах "культы личности", относящегося к значительной персонификации их правления ценой политической легитимности, при которой их поддержка населением основана на личной популярности, а сохранение их положения обеспечивается только за счет продолжения популистского обращения к народу (Breslauer, 2010). Исторически тенденция определять эпоху по влиятельным лидерам была обычным явлением в разных культурах, примером чего в России являются такие имена, как Рюрик (862-879), Иван Грозный (1533-1584), Петр Великий (1682-1725) и Екатерина Великая (1762-1796), если назвать несколько значительных действовавших

лиц в российской истории. Советский Союз, предлагая совершенно новую политическую систему, каким-то образом сохранил наследие сильного (тоталитарного) руководства, характеризующегося сильной персонификацией режима (Breslauer, 2010).

Вятр (2022), изучающий советско-российское руководство от Ленина до Путина, утверждает, что советское руководство общепризнано как тоталитарная диктатура, при которой одна партия, Коммунистическая партия, взяла верх над политическими институтами, необходимыми для демократии, устранив оппозицию, а также получив контроль над вооруженными силами. Одновременно партия функционировала бы как основа для верховного лидера, находящегося у власти. В то время как Ленин является синонимом большевиков и революции, Сталин ассоциируется с консолидацией советского государства, быстрой индустриализацией и Второй мировой войной и может считаться первым, кто достиг положения тотальной диктатуры в Советском Союзе. Как таковой термин "сталинизм" появился, чтобы отличить эпоху как особенно безжалостную даже в условиях тоталитарного государства. После Сталина будущие советские лидеры будут придерживаться все более умеренного культа личности, при этом тоталитарная традиция значительно ослабнет к последним годам существования Союза. Далее, созданная на руинах советской империи, новая, номинально демократическая Российская Федерация при Ельцине скорее стала свидетелем возврата к тоталитаризму в лице Владимира Путина в новом тысячелетии (Wiatr, 2022)

2.2 Россия - реформация и регрессия

Бреслауэр (2015) прослеживает путинский стиль авторитаризма, состоящий в насаждении чувства патриотизма внутри нации, а также подчеркивании существования внешней угрозы. Такой популистский подход в российской политике существовал со времен царской эпохи, о чем свидетельствуют "народники" – разношерстная группа, состоящая как из правых, так и из левых политических групп. В то время как Советский Союз олицетворял триумф политических левых, Путинская Россия с ее консервативными националистическими устремлениями и принятием глобального капитализма, похоже, олицетворяет другой конец шкалы (Breslauer, 2015). Аналогично, я буду использовать термин "авторитаризм" для описания нынешнего (путинского) режима. Авторитаризм, как его характеризует Вятр (2022, 174), – политическая система, которая концентрирует власть в руках одного лидера или небольшой элиты, не несущей конституционной ответственности перед народом. Следовательно, из-за

отсутствия демократических институтов авторитаризм означает произвол (злоупотребление) властью лидером (лидерами), а также слепое подчинение авторитету масс (Wiatr, 2022, 174). Кроме того, чтобы рассмотреть значительные изменения, произошедшие в российском обществе с 1991 года, я рассмотрю политическое развитие в России с упоминанием некоторых ее ведущих деятелей за эти годы.

Согласно Wiatr (2022), несмотря на определяющую роль Ельцина в перевороте и установлении нового режима, его будут помнить как некомпетентного и непоследовательного лидера слабой нации, неспособного утвердить свою власть или национальное чувство идентичности, сформировать функционирующие государственные институты или укрепить экономику. Кроме того, он стал ассоциироваться с коллективной травмой, которую испытали россияне в 1990-е. То есть можно сказать, первое десятилетие Российской Федерации характеризовалось сочетанием слабого дисфункционального авторитаризма и анархии, определяемых плюралистической структурой власти, сформированной региональными губернаторами (Wiatr, 2022). Придя к власти в качестве президента в 2000 году, Путин оказался в равной степени неспособен установить демократию в России, хотя ему удалось противостоять проблемам слабого руководства и потери национальной идентичности Россией.

Нынешний (авторитарный) режим сочетает традиционные национальные ценности с представлением о величии России как мировой державы в качестве основы национальной гордости и националистического стремления (Wiatr, 2022). Аналогичным образом Расизаде (2008) рассматривает президентство Путина в контексте российской политической традиции, представляя его как продолжение наследия, а Путина – как своего рода "русского бонапарта", пришедшего к власти из военных рядов после революции. Следовательно, он утверждает, что Путин действует исходя из понимания того, что советские лидеры разрывали Российскую империю на части во имя "международного пролетариата", раздавая исторические российские территории советским республикам, одной из которых был Крым (переданный Хрущевым в 1954 году). Исторически укоренившийся нарратив о преследованиях и эксплуатации со стороны Запада (или попытках сделать это) в сочетании с контролем России над несколькими бывшими советскими государствами посредством энергетической монополии, а также чувством собственного превосходства над

регионом создают напористую линию внешней политики (Razisade, 2008).

Рейтер (2017), исследуя традицию и эволюцию “доминирующей партии” в российской политике, отмечает, что существование доминирующей партии выгодно авторитарному режиму, поскольку это помогает наладить распределение добычи среди элиты и, что особенно важно, помогает поддерживать статус-кво в указанном режиме. “Единая Россия”, партия президента Путина, доминирующая партия, является не только продолжением, но и легитимацией власти президента. С улучшением экономики в 2000-х годах предпочтение было отдано не только Кремлю, но и, как следствие, “Единой России” и Путину как ее лицу. В результате при Путине губернаторство утратило свой смысл, по крайней мере институционально; несмотря на угрозу, которую существование автономных губернаторов представляет для его централизованной модели власти, он нуждался в помощи элиты, чтобы эффективно управлять страной. В свете этого “Единая Россия” работает над объединением губернаторов регионов под централизованным правлением Путина в часть вертикали власти. При этом автор приходит к выводу, что сплоченность элиты, продвигаемый партией, необходима для стабильности режима в дополнение к экономическому росту, средствам принуждения или культуре личности Путина (Reuter, 2017).

2.3 Образ российского лидера

В книге “The Political Portrait: Leadership, Image and Power” (2020) Грэм исследует политический портрет в Советском Союзе и России. В то время как коммунизм-ленинизм, провозглашающий власть народа, был принят в качестве государственной идеологии, Ленин стал лицом революции и Коммунистической партии. Впоследствии партия обратилась к созданию персонифицированных символов в поддержку режима, наиболее значимым из которых был лидер партии, ставший объектом бесконечных пропагандистских плакатов, почти как бы заменивших православную иконографию. Однако еще больше о религии напоминал посмертный статус Ленина как символа коммунизма, а также публичный показ его забальзамированного трупа как своего рода артефакта. Следовательно, в битве за его преемственность каждая сторона претендовала бы на подлинность как лояльного члена партии, представляя себя в близких отношениях с Лениным, и в этом стремлении Сталин вышел победителем.

Причем культ личности при Сталине имеет конкретную связь с политической культурой современной России, начиная с романтизации сталинизма, которая

усилилась вместе с агрессивным национализмом и утверждением международной мощи путинского режима. Вскоре после своего прихода к власти Сталин был представлен как основа Советского Союза и всего, что было в нем достигнуто, включая победу над нацистской Германией во Второй мировой войне, на которой основывалась легитимность партии. Следующий режим, возглавляемый Никитой Хрущевым, затем попытался проблематизировать этот процесс легитимации, развернув процесс десталинизации. Все советские лидеры, которым предстояло последовать ему, придерживались бы гораздо более мягких культов своего руководства, вместо этого ссылаясь на Ленина как на средство обращения к советской нации. Однако при Горбачеве значение Ленина начало снижаться вместе с государственной идеологией в целом; этому способствовал конец государственной монополии на средства массовой информации, что означало, что образ режима и его лидера больше не был священным (Graeme, 2020).

Наконец, как продолжает Грэм (2020), с распадом Советского Союза советская пропагандистская иконография была отброшена в сторону в стремлении продвигать новую российскую идентичность. Более того, с появлением свободных, приватизированных и коммерциализированных средств массовой информации имидж президента уже нельзя было контролировать и поддерживать, как это было в Советском Союзе. Имидж Ельцина, ставшего лидером новой России, не был впечатляющим; пьяный, бессвязный и неспособный человек, который не мог собраться с мыслями, не говоря уже о своей стране. Неряшливому и некомпетентному имиджу Ельцина резко контрастировал молодой и сообразительный Путин, чей общественный имидж был значительно более тщательно подобран, чем у его предшественника, в результате усиления контроля государства над СМИ. Таким образом, Путин был представлен как суровая отеческая фигура, глубоко заботящаяся о своей нации, а также присутствовал холодный и прагматичный профессионал, всегда решительный и контролирующий ситуацию (Graeme, 2020).

Тем не менее, привлекательность Путина неизменно основывалась и на его личных качествах, таких как физическая форма и мужественность; Путина обычно представляют как заядлого любителя спорта на открытом воздухе, верховой езды или рыбной ловли, демонстрируют в его снаряжении для дзюдо, игры в национальный вид спорта хоккей, а также участия в спасательных операциях и тому подобное. Публичное изображение Путина проецирует сильное чувство мужественности, что, в свою

очередь, отражает появление "традиционных" ценностей, практик и ролей, являющихся частью российского 'консервативного поворота'. Эти презентации направлены на то, чтобы подчеркнуть его физические и психические (мужские) качества, пригодные для сильного руководства страной, где в отсутствие государственной идеологии легитимируется только лидер, а не политическая система и не посредством политической легитимации, а на основе личной привлекательности. Из-за отсутствия политической и институциональной легитимации его правления поддержка Путина не очень стабильна, поскольку любые изменения в обществе приписывается путинскому лидерству, к лучшему или к худшему (Graeme, 2020).

3. Правление и популярность Путина

Петерсон (2014) характеризует лидерство Путина, уже на третьем десятилетии, приводя значительные институциональные, политические, экономические и социокультурные изменения, включая смещение границ, которые произошли за время его правления. Однако с начала путинской эры некоторые аспекты сохранялись на протяжении многих лет, такие как напористая позиция во внешней политике в попытке утвердить Россию в качестве глобальной державы. Более того, националистический план в российской политике в последнее десятилетие, заключается в том, что Россия не строит себя как великую державу, а именно восстанавливает себя как таковую в силу своего исторического наследия. Как следствие, возникло мощное централизованное государство с авторитарной политической системой. То есть в качестве средства оправдания усиления государственного контроля была привлечена перспектива угроз безопасности как физических, так и идеологических; Россия с Путиным во главе позиционировала себя как защитника от иностранной моральной коррупции и физических угроз ее суверенитету. Именно в этом контексте, а также в контексте в конечном счете неустойчивой поддержки Путина, следует рассматривать конфликт на Украине (Peterson, 2014).

3.1 Начало правления Путина: Чечня

Согласно Иноземцеву (2022), Россия, унаследованная Владимиром Путиным после его президентства в 2000 году, все еще находилась в процессе глубоких преобразований и пребывала в экономическом, социальном и политическом беспорядке. После распада Советского Союза в 1991 году новообразованная федерация столкнулась с задачей построения новой модели экономики, политической системы и гражданского общества из обломков. Как бы ни была трудна эта задача, она была еще более осложнена экономическим крахом, травмированной и уставшей нацией, а также почти полным отсутствием социальной структуры с ее функционирующими институтами. Первый президент новой Российской Федерации Борис Ельцин (1991-1999) столкнулся с масштабной задачей в попытке воссоздать современное государство с демократией, рыночной экономикой и ориентиром на Запад в качестве руководства на развалинах Советского Союза – задача, в осуществлении которой он не был полностью успешен. Более того, эпоха Ельцина была омрачена Первой чеченской войной (1995-1996), в ходе которой маленькая республика на мгновение обрела независимость, а Россия испытала унижение.

Ссылаясь на Вторую чеченскую войну, Ахмадов и др. отмечают, что, придя к власти в начале войны (1999-2009), первоначально в качестве премьер-министра, де-факто контролировавшего вооруженную операцию в Чечне, Путин вознамерился отомстить за ущемленную российскую национальную гордость, отличаясь при этом от своего предшественника. Несмотря на нелегкую победу, путинскому руководству в войне удалось произвести впечатление на россиян и убедить их в его превосходных способностях лидера. Это впечатление и имидж сильного и способного лидера привели бы Путина к президентству в 2000 году и послужили бы основой его популярности во время первых президентских сроков. Более того, усилия Путина в Чечне можно рассматривать как предзнаменование характера его президентства; агрессивная внешняя политика и военная доблесть, как попытка восстановить Россию в качестве мировой державы с самого начала были ориентиром для руководства Путина (Akhmadov et al., 2010).

Таким образом, как предполагает Копосов (2022), недавно спасенная российская национальная гордость стала напрямую ассоциироваться с Путиным, которого стали рассматривать как лидера, способного привести Россию к величию. Кроме того, популярность Путина укрепилась в результате одновременного повышения цен на газ и нефть в начале 2000-х годов, что помогло утвердиться России в качестве энергетической сверхдержавы и стимулировать экономический рост страны после катастрофических 1990-х годов. Более того, Путину удалось восстановить сильное централизованное государство, контролирующее различные аспекты общества. Это включает в себя средства массовой информации, которые тоже при Ельцине не были централизованными или контролируемыми и которые после 1991 года начали превращаться в сложную систему, связанную с политической властью через частную собственность. Напротив, Путину удалось получить государственный контроль над средствами массовой информации в рамках своих государственных устремлений (Korosov, 2022).

3.2 Консолидация государства и национальной идентичности

Саква (2017), исследуя российскую политику при Путине, считает, что помимо своей первоначальной популярности, приписываемой войне Путин утвердился благодаря значительным изменениям российского общества и экономики. Одновременно он собрал различные учреждения и действующие лица, такие, как олигархи и средства

массовой информации, под центральным государственным контролем. Однако параллельно с модернизацией российского общества внутри России продолжался конфликт, связанный со Второй Чеченской войной, российская война с терроризмом. В России эта волна возникла после взрывов жилых домов в 1999 году, которые вместе с чеченским вторжением в Дагестан в том же году были названы спусковым крючком для Второй Чеченской войны. Взрывы квартир, произошедшие в нескольких жилых комплексах в российских городах Буйнакске, Москве и Волгодонске, были официально приписаны как дагестанским, так и чеченским повстанцам (террористам). Далее, за взрывами жилых домов последовала осада театра "Норд-Ост" в Москве в 2002 году и захват заложников в школе Беслана в 2004 году – в обоих случаях число погибших исчислялось сотнями, а предполагаемыми исполнителями были чеченские террористы (Sakwa, 2017).

В контексте международной войны с терроризмом с 2001 года этих событий было достаточно, чтобы сформировать представление о внешней и даже внутренней угрозе России, что, в свою очередь, оправдало бы наличие сильного государства для обеспечения безопасности своих граждан. Неявно понятие терроризма использовалось в качестве оправдания растущего этатизма и централизованного контроля. Этатизм, как описано Вятром (2022), относится к централизации экономических, политических и социальных процессов в рамках сильного государства (Wiatr, 2022). Об этатизме в контексте путинской России часто говорят в связи с 'вертикалью власти', воплощающей понятие централизованной государственной власти сверху вниз, построенной при Путине. Такое государство с почти полным контролем над общественными институтами, включая средства массовой информации как продолжение политической власти, является неотъемлемой частью авторитарного режима, подобного тому, который действует в России. То есть авторитаризм Путина одновременно оправдан и обусловлен потребностью в угрозах безопасности как внутренних, так и внешних, что является политической стратегией, применяемой также к Украине (Sakwa, 2017).

Как указывает Саква (2017), что касается внутренней политики, то фрагментация российского общества сама по себе была установлена Путиным как проблема национальной безопасности. С многочисленными автономными регионами и этническими подгруппами Россия без чувства общей идентичности вполне может развалиться сама по себе – не говоря уже о том, чтобы противостоять внешним

угрозам. В качестве центральной повестки дня режима российская цивилизационная идентичность начала продвигаться в политическом дискурсе. По словам Плохия (2006), идея российской цивилизации уходит корнями в идеи русской интеллигенции 19 века и относится к восприятию России как исконной, самобытной и великой нации, оправдывающей такие понятия, как “русское величие” (Plokhii, 2006). Саква (2017) продолжает: наряду с повествованием об иностранной угрозе пропагандировалась национальная идентичность, имеющая цивилизационные корни. Недавно созданная российская нация была представлена как столкнувшаяся с угрозами своей цивилизационной идентичности и даже суверенитету в виде растущего присутствия НАТО и постоянно расширяющейся сферы влияния ЕС, а также культурно-политических влияний, распространяющихся по всему миру, которые консервативный режим рассматривает как моральную коррупцию. Столкнувшись с таким разнообразием угроз для нации, путинский режим предпочел бы пожертвовать международными отношениями ради национальной безопасности (Sakwa, 2017).

Продолжая тему моральной деградации, Копосов (2021) предполагает, что в рамках возвращения к исторически сложившейся российской идентичности, частично основанной на наследии исторически значимой Киевской Руси, православная религия использовалась в качестве источника национальной сплоченности. Русская Православная Церковь (РПЦ), практически вычеркнутая из советского общества, вновь стала бастионом традиционной ‘русскости’. Особенно после третьего президентского срока Путина, когда в российской политике и обществе произошел так называемый ‘консервативный поворот’, РПЦ стала заметной в политике и общественном имидже Путина и добилась заметной институциональной консолидации. В дополнение к поддержке исторической российской идентичности православие упоминается в связи с моральной праведностью России в современном мире моральной деградации (что предположительно демонстрируется широко распространенными сексуальными извращениями и попранием традиционных ценностей, в первую очередь на Западе). Таким образом, план России на международном уровне укрепляется как морально здоровой нации с духовно укорененной легитимностью. Именно в этом контексте, вызванном геополитическими событиями в Европе и обусловившем снижение популярности Путина, аннексия Крыма стала новым флагом путинского режима (Koposov, 2021).

3.3 Русский герой в Крыму

Как установлено Петерсоном (2014), с возвращением Путина на пост президента в 2012 году после предусмотренного законом срока пребывания на посту премьер-министра его популярность значительно пострадала. Фактически смена власти Путиным-Медведевым сама по себе вызвала недовольство внутри нации политической системой в более широком смысле и Путиным как ее лидером. Это проявилось в демонстрациях "Зимней революции" 2011-2013 годов, сосредоточенных в Москве и Санкт-Петербурге, где беспрецедентное количество людей организовалось через платформы социальных сетей, требуя политической прозрачности, а также честных и демократических выборов. Став суровым напоминанием о пробуждении потенциала свободных СМИ в разжигании и организации инакомыслия, демонстрации привели к подавлению свободных СМИ, дополненному строгими законами о цензуре, нацеливаясь на независимые средства массовой информации. Резкая реакция на демонстрации вызвала только дальнейшее возмущение, и поэтому популярность Путина продолжала неуклонно снижаться до такой степени, переизбрание больше не было бы самоочевидным (Peterson, 2014).

Аннексия Крыма и Восточной Украины в это время представляла собой физическое и образное возвращение к историческому величию России через возвращение культурно значимой территории как места рождения русского православия, а также демонстрацию готовности России защищать свой суверенитет. В контексте внутренней политики Путина эта попытка была направлена на то, чтобы восстановить Путина как грозного лидера и героя российской нации. С точки зрения международной повестки Путина, оккупация Восточной Украины и, более того, последовавшая за этим война в Украине соответствуют неустанной защите российского геополитического пространства и сферы влияния (включающей несколько постсоветских государств, наиболее значимыми из которых являются Украина и Беларусь) и связаны с идеологическим крестовым походом как части путинского видения России на международном уровне. В дополнение к преследованиям со стороны Запада Россия борется, с одной стороны, с предполагаемым распространением фашизма в Европе, а с другой – с безбожным, извращенным либерализмом, распространяющимся с Запада. Как утверждает Саква, изначально российская политика в Украине, похоже, способствовала повышению популярности Путина; и снова обращение к российской национальной гордости, как к повышению национальной самооценки, было напрямую связано с российским лидером. Более того, чтобы обеспечить Путину долгое и

плодотворное пребывание у власти, в 2020 году были приняты поправки к конституции России, позволяющие Путину оставаться у власти (по крайней мере) до 2036 года (Korsov, 2021).

4. (Де-)эволюция российских СМИ

Переход России к демократии с рыночной экономикой и свободными средствами массовой информации, начавшийся в 1991 году, не был легким процессом для России и не прошел без осложнений. Таким образом, российская медиасистема остается предметом международных споров на фоне очевидной коррупции, цензуры и пропаганды. Итак, возникает вопрос, преуспела ли Россия дистанцироваться от советской (и фактически досоветской) традиции централизованных и политизированных СМИ после многих лет приватизации и коммерциализации (Kiriya, 2018). Хотя, возможно, было бы полезно оспорить западную модель как стандарт, к которому следует стремиться в любом обществе, в своей работе я рассмотрю развитие современной российской медиасистемы с учетом предположения о попытке вестернизации постсоветского общества. Я представлю краткий обзор эволюции российских СМИ, начиная с советского наследия, в отношении того, как это повлияло на современные российские СМИ, переходя к эпохе депрессии и потрясений при Ельцине, а также, естественно, к развитию СМИ при Путине. Я завершу эту часть, представив справочную информацию о газете КП как издании, выбранной для моего анализа.

4.1 Советское наследие

Е. Варганова (2012) исследует развитие российской медиасистемы с 1991 года, совпадающее с появлением новых политических и экономических институтов и систем как части нового государства. Как она утверждает, распад централизованного государственного контроля, помимо прекращения монополии Коммунистической партии, был очевиден в значительном снижении влияния государства на национальную экономику – после введения рыночной экономики – и социально-культурные институты, такие как средства массовой информации. С точки зрения истории, отмечает Варганова, современные российские СМИ уходят корнями в первую российскую газету "Ведомости", созданную Петром Великим в 1704 году как средство коммуникации элиты. Это укрепило структуру власти в российской политике и средствах массовой информации как действующую сверху вниз в руках правящей элиты.

Что касается цензуры, то дореволюционная журналистика в России уже диктовалась (государственными) декретами в надлежащем освещении событий – традицией,

продолженной практикой превентивной цензуры при советском режиме. Значение средств массовой информации в построении системы политических партий подчеркивал Ленин, который отмечал ценность политической газеты в центре массовой политической партии как выполняющей три основные функции: пропаганду, агитацию и организацию, и использовал ее для создания основы для 'однопартийной демократии'. Окончание Новой экономической политики (НЭП) в 1929 году ознаменовало конец традиции публичных политических дебатов на протяжении десятилетий; средства массовой информации в Советском Союзе стали немногим большим, чем продолжением политического механизма КПСС. После этого 'гласность' 1980-х годов рассматривается как следующий шаг к самоподдерживающейся модернизации общества и его институтов, вплоть до появления совершенно новой медиасистемы после 1991 года (Vartanova, 2012).

Таким образом, российские публичные коммуникации долгое время находились под влиянием властной динамики, которая подчиняет общественность социальной властью, практически синонимичной государству. Такая динамика явно противоречит западной медиамодели, которая предполагает ответственность государства и СМИ перед общественностью. Далее, российская модель аналогична преобладающему взгляду на государство как на нечто совершенно чуждое и отдельное от простого народа, сродни высшей силе в духовном смысле, той, которая гарантирует выживание и экзистенцию нации. Поскольку российские СМИ развивались в тесной связи с государством, это подчинение государства индивиду играет роль и в отношениях СМИ с общественностью; общественность рассматривает СМИ как продолжение государственной власти, а себя – как ее субъектов. Постсоветская трансформация средств массовой информации была направлена на то, чтобы вывести средства массовой информации из-под государственного контроля, привнести политическое разнообразие, а также приватизировать их и подчеркнуть новый профессионализм. До сих пор разделение СМИ и государства было сложной задачей (Vartanova, 2012).

4.2 90-е: приватизация и коммерциализация

Итак, 1990-е годы ознаменовались реформированием советско-российской системы средств массовой информации, поскольку появление новых политических партий и последующий политический плюрализм потребовали восстановления отношений между СМИ и политической элитой. Вартанова (2012) предполагает, что постсоветские

российские СМИ изначально основывались на "Законе о средствах массовой информации" 1992 года, подтверждающем ликвидацию цензуры, свободу искать, производить и распространять информацию, а также основывать, использовать средства массовой информации и владеть ими. С приватизацией и коммерциализацией российской медиаиндустрии роль государства в средствах массовой информации снизилась. С другой стороны, как старая политическая, так и новая бизнес-элита стали влиятельными в медиaprостранстве. В результате этого поддерживаемая государством бизнес-элита поддержала использование политических СМИ в качестве замены политических процессов (продажа медийной пропаганды и имиджа политикам в обмен на выгоды; позитивное представительство в СМИ для достижения успеха на выборах в обмен на преференциальный режим со стороны государства), явление, называемое политическим клиентелизмом. Иными словами, рыночные СМИ, первоначально рассматривавшиеся как противодействие политическому деспотизму, привели к тому, что медиакомпании, по сути, стали продолжением политической власти через прямое или косвенное владение или финансирование (Vartanova, 2012).

Как соглашается с этим утверждением Засурский, такие отношения подразумевают взгляд на СМИ как на валюту политического капитала, конвертируемую в любой вид капитала. Многие крупные медиакомпании рассматривали политическую повестку владельца или спонсора в качестве главной движущей силы, становясь инструментами предвыборных кампаний. В результате слияния российского государства и бизнеса возникли медиаиндустриальные комплексы в форме групп и нескольких влиятельных кланов, возглавляемых новой бизнес- и политической элитой и поддерживаемых государством. Что касается журналистики, то россияне стали интерпретировать профессионализм с точки зрения освобождения от любого рода вмешательства в их практику, включая цензуру. Однако эти стремления не были подкреплены изменениями в финансовых решениях, что привело к нехватке финансирования "свободных" СМИ, что, в свою очередь, привело к поверхностной приверженности журналистским идеалам при неофициальном обслуживании интересов спонсоров. Несмотря на усилия и последующее внедрение 'западной' модели СМИ, неспособность признать сложности и особенности постсоветского общества в качестве основы этих реформ привела к искаженному конечному продукту. То есть система, искусственно навязанная сверху, никоим образом не вписывалась в политико-культурные или даже социальные рамки, которыми была Россия, а институциональные реформы не были

дополнены системными изменениями в повседневной неформальной культуре (Zassurskij, 2019).

4.3 2000-е: этатизация и политизация

Что касается российских СМИ в 2000-х годах, то, по словам Кирия (2019), централизация власти и укрепление государства в 2000-х годах при президенте Путине сопровождались "реэтактизацией" российских СМИ, когда государственные учреждения вернули себе право собственности на значительную часть медиаорганизаций. Это усилило роль средств массовой информации, особенно телевидения, в поддержке структуры политической власти, направленной на национальное единство и сплоченность (в поддержку режима). В качестве примера объединяющих усилий государство и его вспомогательные учреждения пропагандируют национальные ценности и единство нации. Одновременно растущая рекламная индустрия и коммерциализация, занимающие место на телевидении и призванные продемонстрировать деполитизацию российской журналистики, также стали инструментом политической коммуникации (поскольку интересы государства слились с интересами рекламных компаний). Таким образом, современные российские СМИ можно охарактеризовать как этатистскую медиамодель, которая сочетает в себе взаимосвязь государства и СМИ, а также капиталистическую, рыночную экономику. Интересно, что, несмотря на характеристику сильного государства при Путине, само государство фрагментировано субъектами, которые могут создавать временные союзы между собой и внешними субъектами, преследуя индивидуальные интересы вместо государственных. Взаимосвязь СМИ и политики демонстрируется через роль государства в формировании новостной повестки, с одной стороны, и одобрение руководства медиакомпаний – с другой (Kiriya, 2019).

Как продолжает Кирия, несмотря на то, что за последние десятилетия распространение печатных средств массовой информации значительно сократилось, телевидение остается популярным и важным источником информации для россиян, особенно для пожилых людей. Причем, государство остается ключевым действующим лицом в телевизионном производстве как формально, так и неофициально. Как бы то ни было, диверсификация постсоветской медиаиндустрии привела к уменьшению потенциала для массовых манипуляций за счет разнообразия каналов, ориентированных на фрагментированную аудиторию, что создает проблему для политических акторов.

Следовательно, автор предполагает, что анализ российских СМИ следует рассматривать с точки зрения взаимодействия между государством как кульминацией власти в России и другими институтами, такими как рыночная экономика и журналистская профессия. Более того, он характеризует российские СМИ как евразийскую гибридную медиасистему, включающую в себя элементы как азиатских, так и западных традиций в форме рыночной экономики, а также черты тоталитарной политической системы (Kiriya, 2019).

4.4 Развитие государственных и независимых СМИ

Стровский (2015) затем рассматривает превращение российских СМИ в отдельные государственные и независимые медиа как следствие советско-российской медийно-политической традиции, согласно которой СМИ развивались по отношению к политической системе, а также развитие политического клиентелизма после 1991 года и последующую централизацию власти в 2000-е годы. То есть, в частности, прогрессирование коммерциализации и инструментализации СМИ в политических процессах 90-х годов способствовало росту средств массовой информации с определенной политической ориентацией, с ориентацией их спонсоров. Последующая централизация государственной власти при Путине, включая контроль медиакомпаниями, означала, что повествование, передаваемое СМИ, все больше диктовалось режимом (Strovsky, 2015).

Другими словами, государственные СМИ начали существовать и функционировать на основе экономической и правительственной поддержки политически предвзятых репортажей. Тем самым, независимые СМИ, которые выражают несогласие с режимом, выходят за рамки системы экономической и государственной поддержки. Со времени третьего президентского срока Путина, который начался демонстрациями "Зимней революции" за политическую прозрачность и свободные выборы, цензура в СМИ значительно усилилась, о чем свидетельствуют законы 2013 года "о борьбе с гей-пропагандой" и "об иностранных агентах", касающиеся запрета публичной демонстрации негетеронормативных отношений и идентичностей и юридического клеймения негосударственные СМИ, поддерживаемые как иностранные агенты (подразумеваемая предполагаемую нелегитимность этих средств массовой информации и их сообщений) соответственно. Следовательно, публикации СМИ, подпадающие под эту категорию, во многих случаях прибегали к переносу своего офиса за пределы России, чтобы избежать политических преследований (Strovsky, 2015).

4.5 Комсомольская правда

Согласно Засурскому (2016), несмотря на разделение на государственные и независимые СМИ в 2000-х годах, не все поддерживаемые государством СМИ попадают в одну категорию с точки зрения авторитета, популярности, стиля или уровня политизации; "Российская газета", например, напрямую связана с режимом и Первым каналом и служит официальным изданием Правительства Российской Федерации. А КП уходит своими корнями в раннюю советскую эпоху и сегодня работает как бульварная газета с более популистским, националистическим уклоном (Засурский, 2016). КП, которая остается одной из самых популярных ежедневных газет в России, была названа любимым изданием Путина и подверглась международным санкциям из-за своей роли в распространении (неверной) информации об украинской войне (BBC, 2023). Помимо публикаций в прессе, в группу КП входит интернет-издание KP.RU (с 1998 года), а также радиостанция "Комсомольская правда".

Рудакова в своем исследовании "Losing Pravda: Ethics and The Press in Post-Truth Russia." (2017) устанавливает, что КП была основана в 1925 году как всесоюзная газета Советского Союза и орган комсомола (Всесоюзный союз молодежи имени Ленинского комсомола). Так как ее целевой аудиторией была молодежь, от подростков до молодых взрослых, газета в основном поддерживала культуру, науку, идеологию и ценности КПСС, и она была удостоена нескольких наград за свой вклад в дело партии и пропаганду и агитацию с СССР, в том числе во время Второй мировой войны. Начиная с перестройки, примерно в 1986 году, газета начала публиковать социально-критические статьи, что еще больше повысило ее популярность, в результате чего к 1990 году она стала самой массовой газетой в мире (Roudakova, 2017).

После распада Советского Союза газета перешла из рук государства в частную собственность как часть энергетической группы Евросевернефть (ЕСН), одновременно изменив свою общественно-политическую направленность на развлекательную, что положило начало "таблоидизации" газеты. Такая тенденция к журналистике "желтой прессы" вызвала критику внутри страны, в то время как зарубежная пресса назвала газету "пропагандистским таблоидом" из-за отсутствия какой-либо критики режима. Медиаобозреватель Игорь Яковенко связал предполагаемое снижение качества газеты с предыдущим главным редактором Владимиром Сунгоркиным, который занимал этот пост в 1997-2022 годах, в то время как Сергей Ильченко, главный редактор украинской газеты, обвинил журнал в разжигании конфликта между Украиной и Россией,

сославшись на случай редактирования изображений с участием президента Украины в 2008 году. Впоследствии репортажи газеты об украинском кризисе, начиная с 2014 года, считались пророссийскими и прокремлевскими, на что указывал тогдашний главный редактор Сунгоркин, ссылаясь на "защиту национальных интересов" в качестве идеологического ориентира для газеты (Roudakova, 2017).

Оставаясь крупной газетой 2000-х годов, "Комсомольская правда" имеет очевидные связи с президентом Путиным, который несколько раз использовал широкое распространение газеты для обращения к нации. Группа ЕСН, которой в настоящее время принадлежит газета, является энергетической компанией, возглавляемой Григорием Березкиным, который имеет тесные отношения с государственным "Газпромом". Березкин тесно связан с российской энергетической отраслью и, как крупный бизнесмен, пользующийся благосклонностью Путина, попал под санкции ЕС, введенные в результате конфликта, переросшего в войну в феврале 2022 года (Интерфакс, 2022). Кроме того, другие сотрудники газеты также подверглись санкциям за то, что были военными корреспондентами, работающими на Кремль (Telegraph, 2022).

5. Критический дискурс анализ и дискурс легитимации

Я рассмотрю центральные идеи критического дискурс-анализа Фэркло (2013) и ван Дейка (2008) в качестве основы для моего исследования, используя идеи ван Левена (2007) о легитимации через дискурс, чтобы оценить средства консолидации власти и легитимации в российских (государственных) СМИ. Критический анализ дискурса (КДА) сочетает идею значений и практик, производимых и воспроизводимых в дискурсе – письменных, устных или визуальных текстах – с пониманием общества как контекста и посредника этих дискурсов. Как следует, теория предполагает представление о том, что создание и поддержание социокультурных особенностей – и как таковое конструирование существующих реалий с помощью языка – распространяется также на негативные аспекты общества, такие как злоупотребление властью, неравенство или расизм (Fairclough, 2013) (van Dijk, 2008). Далее, ван Левен опирается на понятие взаимосвязи дискурса и власти, изучая средства легитимации социальных практик и институтов посредством дискурса, методология которого будет применена в этой исследовании (van Leeuwen, 2007).

В контексте моего исследования процесса консолидации власти российскими государственными СМИ эта установившаяся взаимосвязь между властью и дискурсом важна. Теоретическая основа КДА актуальна постольку, поскольку мое исследование основано на понимании того, что социальное зло, в данном случае злоупотребление властью со стороны государства, поддерживается посредством дискурса, представленного, в частности, поддерживаемыми государством СМИ. То есть, согласно моей гипотезе, что в отсутствие функциональной политической системы статус Путина как авторитарного лидера зависит от его личного имиджа и его позиции, основанной на личной популярности, российские государственные СМИ взяли на себя роль консолидации популярности и имиджа Путина, способствуя легитимности его руководства. Следовательно, я применю методологическую основу, предложенную ван Левеном (2007), при выявлении и анализе средств консолидации власти посредством репрезентации Путина в российских государственных СМИ во время войны на Украине. Ниже я сначала рассмотрю ключевые идеи КДА и ван Левена, а затем подробно опишу методологию своей работы – как будет проводиться исследование и на какой основе.

5.1 Критический дискурс-анализ

Согласно ван Дейку (2008), критический анализ дискурса сочетает в себе дискурсивный анализ, основанный на предпосылке о дискурсе (различных формах выражения и коммуникации) как инструменте формирования реальности и нашего понимания ее, и критические исследования. Он утверждает, что дискурс и как таковое выражение, распространение и манипулирование информацией влияют на умы и, как следствие, на действия, подразумевая, что контроль над дискурсом имеет решающее значение для поддержания контроля над массами. В этом контексте прямой и косвенный контроль российского государства над средствами массовой информации дает четкое представление о мотивации, стоящей за передачей или непередачей информации. То есть понимание или интерпретация этой социально-политической ситуации, продвигаемой в обществе – это то, что выгодно стороне, контролирующей дискурс, в данном случае российскому государству. С точки зрения различия между злоупотреблением и использованием власти, понятие “легитимность” присуще российской авторитарной политике и крайне неоднозначно. Злоупотребление властью влечет за собой нарушение социальных и гражданских прав людей – в контексте России, связанных со свободой информации и выражения мнений – и по своей сути нелегитимно с демократической точки зрения (van Dijk, 2008).

Следовательно, как утверждает Фэркло (2013), власть и злоупотребление ею в обществе воспроизводятся посредством дискурса, предполагая, что многие формы социального равенства создаются, увековечиваются и легитимизируются с помощью особенно публичного дискурса, поддерживаемого “элитами”, такими как политики, ученые, бюрократы или журналисты. В свете того факта, что эта “элита” рассматривается как “голос” этого дискурса, насколько я понимаю, этот “голос” представлен российской властной элитой, отсюда следует, что позиция путинского режима прямо и косвенно продвигается. Более того, предполагая, что статус публикации в СМИ по существу диктует ее видимость и, в некоторой степени, надежность (или то, что можно считать легитимностью предоставляемой информации), государственные СМИ, в системе, где средства массовой информации строго ограничены пропагандой и цензурой, поддерживаемые государством СМИ, естественно, оказывают наибольшее влияние (Fairclough, 2013).

Фэркло (2013) считает, что КДА является одновременно нормативным, поскольку он оценивает, и объяснительной критикой, поскольку она направлена на объяснение наших социальных реалий посредством дискурса; как эти реалии оцениваются в

соответствии с общепринятыми нормами общества или иллюстрируют их как результат систем и процессов. Дискурс в социолингвистике понимается в терминах (социальных) процессов создания смысла, языка, связанного с определенными областями или практиками (такими как политический дискурс), а также конструирования аспектов мира, связанных с определенным социальным взглядом (таким как националистический дискурс внутренней безопасности). В то время как дискурсивный анализ, таким образом, состоит из понятия создания и воссоздания смысла в публичном дискурсе как аспекта материальной реальности, "критический" аспект теории предполагает мнение, что в той мере, в какой явления социальной реальности производятся и воспроизводятся посредством дискурса, это также применимо к негативным аспектам указанной реальности. Например, власть и злоупотребление ею.

5.2. Ван Левен – дискурс легитимации

Кроме того, теоретическая основа моей работы основана на идеях ван Левена (2007) о конструировании легитимации власти посредством дискурса. Основываясь на концепции, согласно которой любой аспект власти будет направлен на установление и усиление признания ее легитимности, ключевым инструментом которой является язык, ван Левен рассматривает дискурс с точки зрения легитимизации. Легитимация, согласно ван Левену, относится к акту и процессу обоснования и аргументации объективированных принципов институциональной традиции, подтверждения их и придания им нормативной основы. Тем самым, ван Левен устанавливает четыре категории легитимации посредством дискурса, а именно: (1) авторизация, (2) моральное оценивание, (3) рационализация и (4) мифопоэзис, которые могут использоваться отдельно или вместе, и которые, наоборот, могут быть использованы по назначению посредством делегитимации "другого" (часто представленного как противник или оппозиция). Эти категории выполняются с использованием лингвистических систем и функций, как будет более подробно объяснено в описании методологии, используемой в моем анализе.

Излагая методологию своего анализа, ван Левен сначала рассматривает исследование как контекстуально зависимое, поскольку легитимация всегда происходит в определенном контексте, в связи с конкретными институтами и их порядками, которые представлены здесь, у нас в работе, российскими государственными СМИ как

инструмент политического режима. В частности, предполагаемая легитимация путинского лидерства часто основывается на популярных нарративах, продвигаемых его режимом, связанных с идеями "русскости", "антироссийскости", национальной безопасности, цивилизационной идентичности и идеализированным образом путинской власти, среди прочего (как основанной на моральном превосходстве и историческом наследии). Поскольку легитимация направлена на объяснение того, "почему" что-то делается или должно быть сделано, мы можем сделать вывод, что вопрос здесь заключается в том, "почему" авторитету Путина следует доверять. Ниже я продолжу подробно останавливаться на категориях легитимации, представленных ван Левеном и используемых в качестве методологической основы анализа.

5.2.1 Авторизация

Таким образом, легитимация путинского лидерства частично реализуется через (1) авторизацию, среди которых ван Левен выделяет личную, экспертную, безличную авторизацию и авторизация ролевой модели и авторизация на основе традиции. Я предполагаю, что все типы присутствуют в легитимации власти Путина в публичном дискурсе. То есть авторизация основана на идее авторитета, основанного на позиции, которая усиливает легитимность, основанную на:

- i) статусе/роли в учреждении (личный авторитет),
- ii) экспертизе как форме профессионализма (экспертный авторитет),
- iii) статусе ролевой модели, публично обожаемой и уважаемой за свои убеждения, поступки и т.д. (авторитет ролевой модели),
- iv) соблюдении законов, правил, предписаний и норм (безличный авторитет),
- v) уважении традиций, обрядов и обычаев (авторитет традиции).

В частности, легитимация Путина, основанная на авторитете, в первую очередь основывается на его роли президента Российской Федерации. Кроме того, наряду с культом личности, окружающим российского президента, его легитимность действительно в значительной степени зависит от его имиджа образца для подражания – и профессионально, и лично Путин рассматривается как своего рода идеал российского мужчины и политического лидера. Кроме того, в своей речи Путин ссылается на то, что он соблюдает, например, международные законы (в отличие от

своих врагов), а также российские традиции.

5.2.2 Моральная оценка

С другой стороны, (2) моральная оценка как основа легитимации может быть понята исходя из предпосылки обращения к моральным ценностям; действия и практика оправдываются на основе моральной праведности, коренящейся в культурно обоснованных концепциях "хорошего" или "плохого" или в конкретном моральном нарративе. Поэтому важно знание исторического и культурного контекста изучаемого дискурса. Что касается морально обоснованной легитимации, ван Левен признает три различных подразделения:

- i) легитимация посредством использования оценочных прилагательных (оценивание),
- ii) морализующие действия, основанные на одной или нескольких их характеристиках, связанных с моральными ценностями (абстракция),
- iii) цитирование моральных ценностей с помощью аналогий (положительное и отрицательное сравнение).

Например, в случае репрезентации Путина в СМИ я предлагаю, что легитимация власти достигается через моральное подтверждение "российской повестки дня" как основы актерской деятельности Путина; это достигается путем позитивных сравнений себя и негативных сравнений другого, в результате чего российская роль в конфликте приравнивается к борьбе с фашизмом, в то время как враг уподобляется нацистам. Кроме того, чувство морали, окружающее путинское руководство, подчеркивается, в частности, описаниями "безопасного", "естественного" и "необходимого". Кроме того, действия режима морализируются в силу их абстракции как "освобождения".

5.2.3 Рационализация

С другой стороны, (3) при использовании рационализации в качестве средства легитимации концепция морали остается имплицитной, поскольку действия основаны на рациональных предположениях об их инструментализации для достижения чего-то необходимого или желаемого, или на теоретической предпосылке объективного, естественного порядка вещей, частью которого является узаконенное действие. С этой целью ван Левен проводит различия:

- i) легитимация практик посредством их целей, средства и последствий (инструментальная рационализация),
- ii) легитимация практик, основанных на теоретизированном представлении об 'истине' или 'естественности' (теоретическая рациональность).

Таким образом, в отношении легитимации власти Путина через СМИ используется инструментальная рационализация, например, когда в качестве оправдания аннексии Крыма ссылаются на национальную безопасность или суверенитет, в то время как теоретическая рациональность цитируется в нарративе "историческая традиция/судьба" как свидетельство окончательной победы России.

5.2.4 Мифопоэзис

Наконец, легитимация в дискурсе может осуществляться посредством (4) мифопоэзиса – рассказывания историй, при котором объект (де-)легитимации отражается в истории с желательным или нежелательным исходом. Таким образом, мифопоэзис может осуществляться посредством:

- i) историй, описывающей добрые поступки, приводящие к положительному финалу (нравоучительная история),
- ii) историй, предупреждающей о несправедливых действиях, приводящих к негативному результату (поучительная история).

Что касается легитимации власти посредством мифопоэзиса, в частности, Путин ссылается на моральную деградацию, очевидную на Западе, как на предостерегающий пример, которого Путин хотел бы избежать для России, или на моральную праведность России (исторически) как ведущую к триумфу в конце.

5.3 Метод изучения новостных текстов

Следующая часть этого исследования состоит из подробного объяснения методологии исследования. Это включает в себя ознакомление с процессом отбора и обработки материалов; с тем, как они отбираются, классифицируются и анализируются. Моя работа как медиаисследователя носит качественный и концептуальный характер. Поскольку моя гипотеза утверждает, что политическая власть Путина, основанная на личной популярности, а не на функционирующей политической системе, легитимируется и укрепляется российскими государственными СМИ, здесь

центральные идеи критического дискурсивного анализа связаны с идеей злоупотребления властью, поддерживаемой посредством дискурса. Тем не менее, я утверждаю, что конкретно модель дискурсивного анализа легитимации в дискурсе и коммуникации, разработанная ван Левеном (2007), предлагает подходящую методологическую основу для моего исследования. Материалы моего анализа состоят из новостных статей КП, опубликованных во время войны на Украине, в частности, за период с 24 февраля 2022 года по 31 декабря 2022 года, которые сосредоточены вокруг образа Путина. Поскольку я установила взаимосвязь личного и профессионального в случае с Путиным, в статьях о президенте говорится по-разному не только с точки зрения его политического статуса.

Во-первых, нынешняя война создает особый контекст для изучения репрезентации Путина в СМИ в связи с его политическим руководством; как было установлено, конфликт на Украине следует рассматривать с точки зрения снижения его популярности. Однако то, что могло показаться легкой оккупацией исторически важного региона в качестве политической кампании, с тех пор превратилось в войну международного масштаба за пределами России или Украины и с большими издержками для всех участников. Неудивительно, что внешняя политика путинского режима стала предметом международного возмущения, о чем свидетельствуют иностранные санкции, введенные против России, и финансовая и материальная помощь, оказанная Украине, разрушающая российскую экономику. Как следует, можно сделать вывод, что граждане России, столкнувшиеся со сложной социально-экономической ситуацией внутри страны и за рубежом, могут испытывать реальное недовольство Путиным. Таким образом, вопрос о том, как политическая власть Путина укрепляется государственными СМИ, в данном контексте актуален и должен пролить свет на работу существующей в России системы политических СМИ.

С одной стороны, временные рамки работы были установлены на 2022 год по практическим соображениям, поскольку они охватывают период, который влечет за собой множество изменений и разработок в войне, и то, как это повлияло на Россию (и, следовательно, косвенно, на поддержку Путина). С другой стороны, моя работа основана на предпосылке о том, что спецоперация/война началась в феврале 2022 года, в то время как сам конфликт начался с аннексии Крыма Россией в 2014 году – это опять же сделано для того, чтобы сузить сферу моего исследования на том основании, что этот период создает подходящую схему для моего исследования. Независимо от ее

исхода, война вполне может означать конец путинской эры, тем самым по иронии судьбы предлагая подходящий контекст для изучения репрезентации Путина в российских государственных СМИ как не более чем продолжения его политической власти и инструмента пропагандистской машины, возникшей во время его правления. Из-за кажущейся цензуры на kpr.ru., мой анализ будет включать только письменный текст статьи в качестве предмета анализа ('Интегрум', откуда были взяты статьи, включает только письменный текст из своих архивов).

В этой связи КП была выбрана в качестве источника моих материалов вследствие ее статуса де-факто популярного издания российских государственных СМИ, следовательно, с более высокой степенью (предполагаемого) доверия, в отличие от явно государственных СМИ, таких как "Российская газета". Я ограничила свой поиск материалов московской версией публикации вследствие исторической значимости города для публикации, а также политического значения города. В то же время независимо от версии интернет-издание КП, kpr.ru предоставил крайне ограниченный выбор новостей, связанных с Путиным во время войны. Затем я обратился к "Интегруму", электронному архиву публикаций из России, Украины и постсоветских государств. Даже в Интегруме поиски в рамках установленных временных и тематических рамок привели лишь к умеренному количеству результатов, что, возможно, можно объяснить попытками режима отвлечь общественность от возможной тревожной эскалации (на ранней стадии войны). В этом контексте я попыталась выбрать различные новостные тексты с точки зрения их темы, содержания и даты публикации (все они по-прежнему касаются Путина).

6. Анализ материала

В следующей главе я продолжу анализировать материалы, изложенные в предыдущей главе, 16 статей, опубликованных Комсомольской правдой за период с 24 февраля по 31 декабря 2022 года, в которых говорится о Путине. Анализ будет проведен для того, чтобы ответить на поставленный мной исследовательский вопрос о том, как легитимируется лидерство Путина посредством публичного дискурса в российских СМИ. С этой целью я рассмотрю следующие вопросы в качестве ориентира для своего исследования:

- Как поддерживается власть Путина с помощью российского публичного дискурса?
- Какую роль играют российские (государственные) СМИ в структуре власти?
- Какая связь между личным имиджем и политической легитимностью очевидна в случае Путина?
- Роль делегитимации "другого" по отношению к легитимации "себя"?

Мое исследование будет проводиться с учетом гипотезы о том, что лидерство и власть Путина прямо или косвенно легитимизированы в российских СМИ – в дискурсе государственных СМИ (таких как "Комсомольская правда"), используя основополагающие идеи критического дискурсивного анализа и методологическую основу для изучения легитимации в дискурсе ван Левена (2007).

Анализ будет проводиться в следующем порядке; вместо того, чтобы рассматривать статьи по отдельности или на основе темы статьи (например, экономика, политика, спецоперация, личные качества Путина и т.д.), я систематизирую и представлю свой анализ, основанный на различных категориях легитимации власти, предложенных ранее, в следующем порядке (каждый раздел включает подкатегории):

- 1) авторизация (личная, экспертная безличная, ролевой модели и традиции),
- 2) моральная оценка (оценивание, абстрагирование, аналогия),
- 3) рационализация (инструментальная и теоретическая),
- 4) мифопоэзис (нравоучительная повесть и поучительная повесть).

То есть анализ будет проводиться в соответствии с предложенной методологической основой, причем я рассмотрю материалы со ссылкой на представленные аспекты легитимации, определенные мной. В предисловии к анализу я сначала изложу некоторые из своих методологических моментов анализа:

- Учитывая, что легитимность Путина как политического лидера основана на некотором произволе и подкрепляется недемократическими средствами, средства легитимации местами пересекаются. Я утверждаю, что, в зависимости от контекста и интерпретации, аспекты легитимации: различные формы авторизации, моральная оценка, рационализация и мифопоэзис – все они играют определенную роль в легитимации власти Путина, хотя и запутанным и взаимосвязанным образом, в результате чего различные аспекты накладываются друг на друга или их трудно различить. Таким образом, я признаю произвольный аспект своей работы и пыталась учесть его на протяжении всего анализа, включая альтернативные интерпретации.
- Во-вторых, следует отметить, что один из основных аспектов этого анализа состоит об использовании бинарных опционов, то есть рассмотрении "я" по отношению к "другому" или наоборот. То есть бинарные отношения влекут за собой установление или определение одного по отношению к другому; Россия – это то, чем Запад не является. В контексте предмета моего исследования большая часть легитимации власти Путина на самом деле состоит из делегитимации другого. Это делается для того, чтобы представить "другого", противника в негативном свете путем усиления положительных качеств "я". В частности, стандартное уравнение включает Запад (иногда называемый США, НАТО), представленный как "другой", в то время как Россия, естественно, представляет легитимируемой "себя".

Я завершу свой анализ кратким изложением результатов, ответив на исследовательские вопросы, поставленные в ходе моего исследования, а также выделив различные особенности легитимации власти, присутствующие в дискурсе российских государственных СМИ.

6.1 Легитимация посредством авторизации

Начну с использования авторизации в легитимации путинского руководства. Как было

предложено ранее, ван Левен выделяет пять типов авторизации, в соответствии с которыми и была составлена эта часть анализа. Я начну с аспекта личной власти, согласно которому власть основана на статусе или роли человека в учреждении или сообществе, например, на том, что он президент или родитель.

6.1.1 Личный авторитет

Естественно, что в случае с Владимиром Путиным его личная власть основана на его статусе де-факто президента Российской Федерации. Это, как я утверждаю, подчеркивается в дискурсе КП посредством неоднократных ссылок на различные законодательные титулы Путина, а также приписывания ему обязанностей президента. Эта тактика широко применялась к статьям, независимо от их темы или содержания. Например, в статье "Путин пообещал рост зарплат и пенсий" (18.03.2022) повторяются такие титулы, как глава государства и президент, что может быть истолковано как подчеркивание институциональной власти Путина:

‘Еще глава страны перечислил конкретные меры поддержки бизнеса: на оплату дорожающих федеральных строек дадут больше денег.’

Как показано, эти ссылки на Путина сделаны в контексте описания действий, формальностей или обязанностей, которые приписываются ему как президенту, таких как объявление экономических изменений, изменений, касающихся здравоохранения, национальной обороны и т.д. При этом можно утверждать, что лидерство Путина легитимизируется благодаря практике, в которой он принимает участие в качестве президента. Соответственно, подчеркивание ответственности Путина за нацию в обмен на обладание властью над ней помогает донести до граждан ощущение их свободы действий и взаимоотношений по отношению к государству.

Более того, я утверждаю, что разнообразие используемых почетных званий подразумевает масштаб и значимость власти президента, а также его положение по отношению к своим коллегам, деловым партнерам, чиновникам или нации. Например, в статье "Путин отстоял службу в храме Христа Спасителя и поздравил россиян" (25.04.2022) статус Путина представлен в отношении социально-культурного института РПЦ и его главы Патриарха Кирилла. В свете традиционалистского нарратива, пропагандирующего религию, представление Путина как "российского лидера" служит цели намека на власть Путина, основанную на институциональной, духовной и исторически обоснованной легитимности:

‘Российский лидер подарил Патриарху Кириллу декоративное пасхальное яйцо – символ Воскресения Христова и торжества жизни. Позже глава государства поздравил православных христиан и всех россиян с праздником Пасхи.’

Кроме того, я предполагаю, что неблагоприятный процесс делегитимации на основе личного авторитета очевиден в статьях через различные способы подрыва институционального авторитета и обоснованности врага, через их представление как аморальных, враждебных, даже незаконных – и, следовательно, нелегитимных. В статьях "Владимир ПУТИН: это защита самой Украины от тех, кто взял ее в заложники" (25.02.2022) (1), "Путин говорил о санкциях <Империи лжи>: России придется работать в условиях ограничений со стороны так называемого западного сообщества" (01.03.2022) (2) и "Владимир ПУТИН: мы поддержим решение, которое будет принято на референдумах" (23.09.2022) (3) это иллюстрируется следующим образом:

- 1) ‘Сами американские политики говорят, что внутри Соединенных Штатов создана Империя лжи.’
- 2) ‘Принимая во внимание санкции, которые сейчас ввели так называемые западные сообщества.’
- 3) ‘Киевский режим создал новые банды иностранных наемников и националистов, подразделения, обученные НАТО, под фактическим командованием западных советников. По его словам, это единственная страна, где нацизм поощряется на государственном уровне.’

При этом, "другой", широко признанный как Запад во главе с Соединенными Штатами, представляется как самопровозглашенная "Империя лжи", подразумевающая институционально неоправданное, аморальное и нелегитимное международное образование, которому противостоит законное российское государство. Термин "Империя лжи" часто используется Путиным для описания "так называемого западного сообщества", намекая на западный империализм, на который ссылается Путин, а также на объединенный (против России) Западный фронт. Аналогичным образом, упоминание украинского государства как "киевского режима" основано на характеристике Путиным институционально и законодательно неоправданного украинского руководства, де-факто возглавляемого Западом. Идея институциональной (и моральной) нелегитимности украинского руководства основана на его

предполагаемой фашистской природе.

Таким образом, делегитимизация институциональной и правовой власти украинского руководства опять же делается для того, чтобы облегчить проводимую против него спецоперацию; если бы это было демократическое правительство, основанное на конституции, проблем бы не было. Однако, как и характеристика "Империи лжи", "киевский режим" несет в себе чувство институциональной несостоятельности.

6.1.2 Экспертный авторитет

Итак, в случае экспертного авторитета легитимность основывается на чьих-либо навыках, знаниях, профессионализме – экспертизме. Что касается Путина, профессионализм подчеркивается проявлением качеств, ожидаемых от президента, таких как экономическая смекалка, знание военного дела и изысканность. В статье "Путин поддержал генетические тесты для будущих мам" (22.03.2022) Путин демонстрирует не только экономические знания, но и осведомленность о состоянии своей страны на региональном уровне, тем самым подразумевая как компетентность, так и озабоченность:

‘ВРП (валовой региональный продукт. – Ред.) у вас рост на 10% в прошлом году, верно? Промышленное производство, как правило, превышает 16%. Строительный сектор вырос на 60% – это первое место в России, – перечислил Путин.’

Аналогичным образом в статье "Только факты: какой Путин принял Россию и какой сделал" (07.10.2022) экономические и политические умения Путина представлены как заметные, имеющие первостепенное значение не только для процветания сегодняшней России, но и для самого ее существования в ее нынешнем виде. Также подчеркиваются современные, демократические аспекты путинского лидерства, имеющие решающее значение для России. Поскольку статья была опубликована в день рождения Путина, ее цель – подчеркнуть вклад и значимость Путина для России, поздравляя и чествуя лидера таким образом:

‘Путин начал с того, что собрал команду, которая разработала налоговые и другие реформы, которые обеспечили быстрый экономический рост в начале 2000-х годов’./ ‘Путин ввел институт полномочных представителей, которые добились от регионов того, что их законы не противоречат российским. А князьков постепенно заменили губернаторы-технократы.’

Кроме того, поскольку важным аспектом имиджа Путина является то, что он

мужественный, сильный мужчина, выделяются еще более неожиданные грани "профессионализма"; российский президент – не только робкий профессионал в костюме, но и, кроме того, бывший агент КГБ, хорошо разбирающийся в ведении войны. Этот аспект усилен в статье “Путин – десантнику: – Патрон в патроннике? – Так точно!” (21.10.2022):

‘Расстояние составляет 300 метров.

Путин выстрелил.

Результат не заставит вас ждать.’

Более того, власть Путина частично опирается на поддержку "элиты" профессионалов, политических органов и экономических лидеров. То есть Путин ссылается на вклад и поддержку других экспертов в качестве основы для принятия решений по целому ряду вопросов, таких как инициирование и проведение спецоперации и экономическая политика. Это, в свою очередь, придает дополнительное доверие политике, проводимой путинским режимом, подразумевает демократическую обоснованность и, с другой стороны, снимает ответственность с плеч отдельного человека или даже органа. Аспект чужого экспертного авторитета на основе авторитета Путина, проиллюстрирован в статьях "Владимир ПУТИН: это защита самой Украины от тех, кто взял ее в заложники" (25.02.2022) (1) и "Путин говорил о санкциях <Империи лжи>" (01.03.2022) (2):

- 1) ‘С одобрения Совета Безопасности <России> я принял решение провести специальную военную операцию’.
- 2) ‘Помимо членов Кабинета министров, которые отвечают за экономический блок, в нем приняли участие первый заместитель главы администрации президента Сергей Кириенко, а также представители банковского сектора.’

6.1.3 Авторитет ролевой модели

С точки зрения авторитета ролевой модели, популярность Путина – и, как следствие, власть – напрямую связана с его статусом национального героя и иконы. Таким образом, изображение Путина как ролевой модели в различных аспектах, как скромного человека, пришедшего к власти, лидера, который заботится о своем народе, а также человека добродетельного и сильного, широко распространено в статьях этого анализа. Как политический лидер Путин изображен выдающимся даже по сравнению с исторически великими российскими лидерами, как подразумевается в статье “Только

факты: Какой Путин принял Россию и какой сделал” (07.10.2022). Далее апеллирование к национальному эго осуществляется посредством ссылки на тяжелое состояние России в начале путинской эры:

‘С самого начала Путину пришлось действовать без козырей. Например, мы считаем золотым время правления Екатерины Великой [...]. Путин же пришел к власти, когда рушилась Россия.’

Помимо его блестящего лидерства, личные достоинства Путина, такие как искренность и доброта, подчеркиваются в контрасте с его холодным и безжалостным профессионализмом. Например, Путин представлен как глава страны, который помнит по именам отдельные семьи, с которыми он коротко встречался, и передает им привет, как показано в статье "Путин поддержал генетические тесты для будущих мам" (22.03.2022) (1), а также это лидер, который относится к простому солдату как к равному себе и, в свою очередь, пользуется уважением своего народа, как в статье “Путин – десантнику: – Патрон в патроннике? – Так точно!” (21.10.2022) (2):

- 1) ‘-Вы в прошлом году на вручении ордена <Родительская слава> познакомились с семьей, которая хотела на машине ехать через всю страну, – напомнил Артюхов.
- Гавриленко, да? – вспомнил президент.
- Да. Они передают привет и благодарность – отлично провели время в Сочи.
- Им тоже привет передайте. А в конце встречи все же обсудили одну трудность региона – зарплаты.’
- 2) ‘-Удачи, Руслан, – Путин обнял бойца и протянул ему руку, тот немного замешкался, пока снимал перчатку.
- Да не снимай.
Тот не послушался:
- Положено так.’

Такие личные качества упомянуты для того, чтобы представить российского лидера как отзывчивого и достойного восхищения, более симпатичного. С этой целью в дискурсе вокруг президента присутствуют указания на навыки межличностного общения, такие как умение обращаться с детьми, как в статье "Урок от президента" (02.09.2022), и чувство юмора, как в статье "Путин объяснил, почему укрепляется рубль" (24.05.2022) (1). Как показано в примере (1), где Путин шутит в ответ на упоминание о предполагаемой западной пропаганде против него, Путин демонстрирует смирение и душевную силу, не воспринимая себя всерьез несмотря на

то, что враг его оклеветал и атаковал. Кроме того, намеки на изощренность Путина, например, через ссылки на российских авторов даны в статье “Путин предрек всемирную революцию” (28.10.2022) (2); служат цели поддержания имиджа Путина как утонченного и мягко выражающегося лидера, в отличие от его предшественников и, возможно, как того, кого можно было бы рассматривать как возвышенную версию ‘русского мужчины’.

1) ‘Мы с ним серьезно поговорим! – в ответ пошутил наш президент.’

2) ‘И, как никогда раньше, много цитировал русских философов и писателей.’

Еще одним неотъемлемым аспектом воспринимаемой добродетели Путина является его связь с РПЦ и, как следствие, его духовность. Хотя это само по себе дает его электорату уверенность в моральной устойчивости их лидера, установленная таким образом связь Путина с российским культурным наследием также вызывает нарратив о "русскости", который очень привлекателен для людей. Это продемонстрировано в статье "Путин отстоял службу в храме Христа Спасителя и поздравил россиян" (25.04.2022) следующим образом:

‘Владимир Путин прибыл в главный храм страны чуть позже с красной свечой в руке’.

Еще больше укрепляя имидж Путина как истинно российского лидера, ссылки на его скромное начало как сына из семьи рабочего класса в статье "Путин предрек всемирную революцию" (28.10.2022) (1) с идиллическим советским детством также присутствуют в репрезентации СМИ, как показано в статье "Как будущий президент в советское время отмечал Новый год" (30.12.2022) (2). Опять же такие характеристики российского президента помогают создать образ достоверного, скромного и, самое главное, традиционно русского человека; это, в свою очередь, может быть воспринято как гарантия лояльности и любви Путина к стране, которой он служит, а также как намек на то, что Путин живет в согласии с простыми гражданами.

1) “С низами! Я из низов”, – ответил президент. – Папа – рабочий. У мамы не было образования, нянечкой в больнице работала, сторожем ночным... Я тонко чувствую пульс того, чем живет рядовой человек.’

2) ‘- Новый год для семьи Владимира Путина - это всегда домашний, семейный праздник, как и у всех советских людей-’

6.1.4 Безличный авторитет

Безличный авторитет обладает легитимностью на основе законов, норм и конвенций. В контексте моего анализа общими аспектами безличной власти являются, среди прочего, международное право, право на суверенитет, взаимные соглашения и даже права человека. Аналогично безличная власть обычно упоминается при делегитимации противников Путина (или России) в силу того, что они нарушают вышеупомянутые законы и конвенции и т.д. Ряд ссылок на безличную власть, как в силу легитимации, так и делегитимации, содержится в статье 25.2.2022 (на следующий день после начала "специальной операции"), "Владимир ПУТИН: Это защита самой Украины от тех, кто взял ее в заложники":

- 1) 'С обещаниями нашей стране не расширять НАТО на восток, выражаясь народным языком, нас кинули!'
- 2) 'Я о Донбассе. Киев окончательно отказался от переговоров, 8 лет мы все делали для мирного решения.'
- 3) 'НАТО во всем поддерживает на Украине крайних националистов. Они никогда не простят крымчанам их свободный выбор.'

В первой цитате делается ссылка на взаимное соглашение между НАТО и Россией не расширять свое присутствие в ближнем зарубежье России (включая Украину), которое с тех пор, по-видимому, было отклонено, поскольку военное сотрудничество между Украиной и НАТО началось при конфликте в Украине. При этом такое пренебрежение, проявляемое к "другим", преподносится как основа отношения России к своему врагу; неужели Запад требует уважения, если они не могут ответить взаимностью?

Во-вторых, Путин обращается к неспособности и нежеланию Киева (как политически искаженного представителя украинского государства) урегулировать ситуацию мирным путем; несмотря на попытки российских представителей в течение восьми лет прийти к соглашению и избежать насилия, киевский режим, контролируемый Западом, настаивал на пути, ведущем к заметным потерям для обеих сторон. Здесь поддержание цивилизованных дипломатических отношений является "безличной властью", которая была нарушена и действует с целью лишить легитимности нарушителя.

Наконец, Путин ссылается на демократическую практику как на предпосылку для безличной власти, которая, конечно же, снова была нарушена НАТО; подразумевая, что крымчане проголосовали на демократических и честных референдумах за

присоединение к Российской Федерации, отказ НАТО соблюдать демократический процесс принятия решений является делегитимизирующим актом с их стороны. С другой стороны, Россия хочет действовать в соответствии с протоколом, декларируя таким образом легитимность на основе безличной власти.

Аналогичным образом, в статье “Владимир ПУТИН: На Украине экстремизм на государственном уровне” (17.05.2022), в контексте 30-й ежегодной встречи ОДКБ (Организации Договора о коллективной безопасности), Путин вместе с другими восточноевропейскими и кавказскими лидерами обсуждают продолжающийся конфликт и свои опасения по поводу поведения Запада:

- 1) ‘И все это в нарушение всех возможных конвенций.’
- 2) ‘Также лидеры обеспокоены и выборочным подходом к применению международного права, вмешательством во внутренние дела, применением односторонних санкций и двойными стандартами в международных отношениях.’

Во-первых, Путин буквально называет нарушение Западом нескольких международных конвенций источником возмущения – в контексте правления неонацистов на Украине, очевидной ядерной угрозы вблизи российской границы, западной пропаганды и попыток переписать историю, а также цели уничтожения России – как средства делегитимизации своих оппонентов.

Как следует из вышесказанного, другие лидеры разделяют озабоченность по поводу кажущегося произвольным применения международных законов, таких как права человека, право на суверенитет, а также лицемерия всего этого; похоже, что соблюдение международными законами явно одностороннее, как и применение этих законов. В дополнение к лишению легитимности власти Запада этот аргумент ставит под сомнение действительность этих законов и системы, стоящей за ними.

Такой взгляд на двусмысленность правил международного поведения, созданных Западом, а также на их последующее игнорирование этих правил, при представлении действий Запада как деспотических, отражен в ряде статей, например, в статье "Владимир ПУТИН: Западу не нужна сильная Россия. Она нам нужна!" (03.10.2022):

- 1) ‘Кто видел правила Запада? Кто их согласовывал?’
- 2) ‘Запад растоптал принцип нерушимости границ. Он сейчас решает, кто имеет право на самоопределение, а кто этого не достоин.’

Оба случая указывают на одно и то же: лицемерие и произвол Запада в ведении международных отношений, при этом Россия названа ими агрессором, и, как следует Путин – преступником.

6.1.5 Авторитет традиции

Наконец, авторитет традиции влечет за собой цитирование легитимности, основанной на традиционных историко-культурных практиках и обычаях. В контексте моего анализа традиция как источник легитимности в политике Путина упоминается через ссылки на "традиционалистский" дискурс, а также на дискурс (исторического) величия России, распространенный в России как часть националистической повестки. Это сделал Путин, например, объединившись с Церковью, оказывая ей поддержку и продвигая ее, и, следовательно, принимая участие в исторически и духовно обоснованном авторитете Церкви. Чтобы проиллюстрировать это, в "Путин отстоял службу в храме Христа Спасителя и поздравил россиян" (25.04.2022) президент ссылается на РПЦ таким образом:

‘Важно отметить созидательную работу Русской православной церкви, других христианских конфессий, направленную на сбережение наших богатейших исторических, культурных, духовных традиций, укрепление института семьи, воспитание подрастающего поколения.’

Здесь Путин подчеркивает роль и значение Русской православной Церкви (и других христианских конфессий) в сохранении российского культурного наследия, нравственных устоев, на которых основана страна, и ячейки семьи, которая находится в ее центре. Религия и семья – две центральные концепции традиционалистского нарратива, которые используются здесь для обращения к людям. В то же время, признавая влияние РПЦ, Путин привязывает себя к традиционному авторитету церкви.

Более конкретно, ссылки на историческое наследие как источник легитимности делаются в контексте украинского конфликта постольку, поскольку общее русско-украинское (славянское) наследие регулярно упоминается в российских СМИ. Таким образом, выдвигаемый аргумент заключается в том, что из-за того, что страны ранее существовали как единое целое как в Киевской Руси, так и в Советском Союзе, именно таким нациям исторически суждено быть вместе – любые утверждения о независимой украинской государственности являются необоснованными и, по сути, пропагандистскими. Чтобы продемонстрировать это, в статьях “Владимир ПУТИН: Западу не нужна сильная Россия. Она нужна нам!” (03.10.2022) (1) и “Владимир

ПУТИН: Мы поддержим решение, которое будет принято на референдумах” (23.09.2022) (2) и “Только факты: Какой Путин принял Россию и какой сделал” (07.10.2022) (3) соответственно, Путин ссылается на этот вопрос таким образом:

- 1) ‘За выбором людей – наша общая судьба и тысячелетняя история./Вот почему и молодежь, которая не жила в Советском Союзе, голосовала за единство.’
- 2) ‘Мы знаем, что большинство людей, живущих на освобожденных от неонацистов территориях, а это прежде всего исторические земли Новороссии, не хотят оказаться под игмом неонацистского режима.’
- 3) ‘Глобальность этого поймут и оценят, видимо, уже следующие поколения. Но то, что в учебниках истории достижения Путина будут начинаться с Крыма и Новороссии, уже абсолютно ясно.’

В первом примере Путин ссылается на вышеупомянутую общую историю как на причину, по которой люди, даже молодые, проголосовали на референдумах, проведенных в Донбассе и Крыму, за присоединение к России; предполагается, что это свидетельствует о духовной близости, если не о какой-то внеисторической связи, соединяющей народы. Тем самым легитимация через авторитет традиции используется в сочетании с безличным авторитетом (референдумы).

Далее в следующей цитате приводится исторический термин "Новороссия", чтобы опять же создать связь между людьми и нациями, которые воюют друг с другом, в сопоставлении с насильственным разделением, созданным войной. Конкретно эта связь упоминается как легитимность, основанная на авторитете традиции.

Наконец, возможно, довольно двусмысленным образом власть Путина является авторизованной через его включение в траекторию великой российской истории, а поиски Путина на Украине приравниваются к воссозданию исторической Российской империи (по крайней мере, символически; как возвращение к величию); таким образом, лидерство Путина легитимируется ссылками на историческое величие, в то время как его политика в Украине легитимируется романтической реконструкцией националистического нарратива.

6.2 Легитимация посредством моральной оценки

Переходим ко второму способу легитимации власти через дискурс, моральной оценке; здесь действия и практики легитимируются посредством ссылки на их моральную

ценность. С этой целью мораль может быть оценена с помощью прилагательных (цитирующих моральные качества), абстракции путем ссылки на практику через ее отдельные аспекты (связывая ее с моральным дискурсом) или с помощью аналогии в форме сравнения. Далее процесс легитимации власти посредством моральной оценки по отношению к Путину часто влечет за собой представление России с Путиным во главе как морально чистой силы в мире – в разительном контрасте с моральной коррупцией, олицетворяемой в "другом", в свою очередь представленном Западом.

6.2.1 Оценивание

Что касается использования оценивания (посредством использования оценочных прилагательных) как способа легитимации власти в российском публичном дискурсе, в контексте данного анализа это достигается за счет характеристики Путина и его действий как, например, праведных, сильных, хороших и первостепенных. В частности, можно было бы сказать, что Путина характеризуют – а его лидерство легитимируется – через качества, придающие его действиям моральную ценность. И наоборот, "другой", представленный Западом, которому противопоставляется Путин, определяется в терминах морально обесценивающих описаний. В контексте начала спецоперации в статье "Владимир ПУТИН: Это защита самой Украины от тех, кто взял ее в заложники" (25.02.2022) Запад (по отношению к России) характеризуется как таковой:

- 1) 'В основе Империи Лжи лежит грубая прямолинейная сила. Но настоящая сила в справедливости и правде.'
- 2) 'Проблема в том, что на прилегающих территориях создается враждебная анти-Россия.'

Начнем с первой цитаты, Запад снова упоминается как "Империя лжи", что само по себе является морально нагруженной характеристикой (ложь ассоциируется с безнравственностью, в то время как "Империя", вероятно, также является сознательным выбором слов, сделанных для обозначения западной эксплуататорской гегемонии), но, кроме того, напрямую связан с "грубой силой", то есть насилием. Напротив, Россия здесь изображена как маяк истины и силы. Подтекст довольно ясен; правление Запада, основанное на коррупции и насилии, не продлится долго, поскольку "правда", материализованная в российской нации, в конце концов восторжествует.

Вторая цитата подразумевает направление враждебности Запада конкретно по

отношению к России, что демонстрируется термином антироссийский; с российской точки зрения это, естественно, проблематизируется, что еще больше усиливается явно негативным подтекстом слова 'враждебный'. Эта оценка связана с дискурсом вокруг секьюритизации, лежащей в основе операции, при этом операция должна рассматриваться как легитимация политики Путина в отношении нее.

Развивая эти выражения, Путин использует такие термины, как террористический и варварский, чтобы полностью лишиться легитимности действия Запада (с точки зрения морали). То есть в статье "Владимир ПУТИН: Мы поддержим решение, которое будет принято на референдумах" (23.09.2022) Путин ссылается на украинские контратаки в Крыму, который, по мнению Путина, (законно) юридически присоединен к России и, следовательно, иностранные военные нападения в регионе описываются как неконституционные, террористические акты. В соответствии западная линия политики осуждается как варварская:

- 1) '...систем, которые позволят наносить удары по Крыму, другим регионам России. Такие террористические удары...'
- 2) 'Политика запугивания, террора принимает все более варварские формы.'

Использование слова террорист в первой цитате тем не менее является большим моментом в свете печально известной глобальной "войны с террором" в 2000-х годах, особенно на Западе. Учитывая сильную реакцию, которую может вызвать это слово, его обращение против самого Запада, несомненно, является заявлением президента. В цитате № 2 западная/украинская политика во время войны в более широком смысле описывается как террористическая, вымогательская в силу своей жестокости, чтобы вселять страх и шок. Прилагательное "варварский" также довольно часто используется, особенно в отношении поведения Запада на войне, и оно не только подразумевает отсутствие морали, но и намекает на вульгарность, что Россия, воин праведности и достоинства, совершенно ненавидит.

6.2.2 Абстракция

Что касается абстракции как формы моральной легитимации, то это влечет за собой выделение действия или практики в один или несколько ее аспектов, которые являются морально "хорошими" или "плохими", тем самым легитимируя или делегитимируя практику. В контексте своего исследования я обнаружила, что использование

абстракции местами пересекается с использованием аналогии, поскольку общие ссылки на геноцид и нацизм, на мой взгляд, могут быть истолкованы как абстракция (действия врага, приводящие к смерти, как просто геноцид или крайне правый популизм как нацизм) или как аналогия по отношению к популярному патриотическому дискурсу. То, что я выделила как абстракцию в своем исследовании, в значительной степени сводится к оправданию действий России как вынужденных, в то время как Запад изображался в лучшем случае с точки зрения жестокости, а в худшем – с точки зрения военных преступлений и преступлений против человечности.

В статье "Владимир ПУТИН: Это защита самой Украины от тех, кто взял ее в заложники" (25.02.2022) заголовок сам по себе влечет за собой делегитимизацию Запада как вступающего в конфликт на полностью своекорыстной основе, незаконно и аморально, использующего Украину только против России, безразличного к украинскому страданию, причиняемые в процессе. Помимо моральной нелегитимности западной повестки, такое утверждение усиливает идею пассивности Украины в конфликте как жертвы, которую Россия пытается спасти только на основе морального обязательства. Далее в статье, абстракция предстает следующим образом:

- 1) 'Для США – это сдерживание России, а для нашей страны – вопрос жизни и смерти. Вопрос самого существования государства.'
- 2) 'Наши действия – самозащита от создаваемых угроз.'
- 3) 'Происходит геноцид миллионов людей, которые надеются только на Россию.'

Что касается первой цитаты, то, в отличие от жадности и презрения к тому, что является американским стимулом в конфликте, в российском случае конфликт представлен как вопрос выживания, вопрос жизни и смерти. Эти мотивы вряд ли сопоставимы по масштабу, поскольку Соединенные Штаты, по сути, изображаются как жадный злодей, борющийся за личную выгоду, в то время как Россия – жертва, борющаяся за выживание. Призыв к "выживанию" как конечной цели любого человека или нации очень силен и, по сути, освящает все средства, эффективно оправдывая действия Путина, в то время как против врага в лице Соединенных Штатов делается обратное.

В том же духе следующая цитата описывает действия России как самозащиту от угроз, с которыми она столкнулась. Самооборона – это нечто неизбежное, вызванное

действиями другой партией. Защитник не берет на себя никакой ответственности за ситуацию, поскольку они лишь реагируют на угрозу, к которой их принуждают; следовательно, Россия не несет ответственности за последствия конфликта, все кровопролитие лежит на совести Запада. Кроме того, если такой курс действий изображается как единственно возможный, то и с российской стороны остается не так уж много места для критики.

Еще больше усиливая украинскую пассивность и виктимность, в конфликте, в третьей цитате, смерть украинцев описывается с точки зрения геноцида, преднамеренного и систематического уничтожения украинского населения руками западных сил. При этом подразумевается, что вражеские силы не только вообще опасаются жертвовать украинским народом ради своих эгоистичных целей, но и что это делается обдуманно в контексте конфликта. Такое оценивание, помимо того, что помогает представить врага как чистое зло, прямо-таки обязывает Россию помогать этим людям, которые тоскуют только по России.

Кроме того, судьба и страдания украинцев, похоже, являются популярной точкой отсчета для Путина. В статье "Владимир ПУТИН: Мы поддержим решение, которое будет принято на референдумах" (23.09.2022), Путин проводит различие между злым, коррумпированным и нелегитимным украинским лидерством, которое находится под контролем Запада, не служа украинским интересам и, следовательно, не испытывая угрызений совести по поводу эксплуатации и подавления простого украинского народа, и этой украинской нацией, используемой в качестве пушечного мяса:

- 1) 'Усилены репрессии по всей Украине в отношении своих граждан. Политика запугивания, террора принимает все более варварские формы.'
- 2) 'А сам украинский народ превратили в пушечное мясо и толкнули на войну с нашей страной.'

Во-первых, роль Украины в конфликте разделена на две части: государство, которое является чем-то вроде западного марионеточного правительства, а также невинные простые люди, которых предало их собственное государство, а также международное сообщество, которое отказывается признать их волю к объединению с Россией. Другой аспект тем самым заключается в том, что политика, происходящая внутри Украины в отношении указанного населения, характеризуется как "репрессии". Репрессии не только недемократичны, в отличие от следования воле украинцев присоединиться к

России, но и являются изначально морально порочной практикой, эффективно лишаящей легитимности как режим Киева, против которого ведется война, так и международное сообщество, которое стоит за ним.

Наконец, несколько висцеральный образ используется при описании судьбы украинцев в конфликте как чего-то вроде материальных отходов, чем-то, чем можно наполнить пушки, полностью игнорируя их ценность как людей. Такое изображение, очевидно, указывает на отношение американцев к украинцам (возможно, и к другим людям в целом), их полное безразличие к жизни украинцев; подразумевается, что украинский народ имеет большую ценность даже как просто отходы, чем как живые люди, если это можно использовать назло России. Это можно рассматривать как мощную делегитимацию Запада/США и любого их участия в Украине.

6.2.3 Аналогия

Как отмечалось ранее, использование сравнения как способа легитимации здесь используется в аналогичных контекстах как абстракция, связывающая действия или практики с дискурсом ‘русскости’, ‘традиционных ценностей’ или ‘Великой Отечественной войны’. И наоборот, сравнение как средство делегитимизации путинской оппозиции в изученных статьях проявляется в наиболее распространенных аналогиях с терроризмом и нацизмом. Такая аналогия проводится в статье “Владимир ПУТИН: Это защита самой Украины от тех, кто взял ее в заложники” (25.02.2022):

- 1) ‘Уважаемые товарищи, ваши отцы и деды не для того сражались с нацистами, защищая нашу общую родину, чтобы сегодняшние неонацисты захватили власть на Украине.’
- 2) ‘Они полезут и в Крым с войной, чтобы убивать, как пособники Гитлера во время войны.’

Во-первых, Путин обращается к народу Украины, который сражался против фашизма бок о бок с русскими в составе Советского Союза, сопоставляя нынешний конфликт со Второй мировой войной и ее украинским и российским опытом. Для обоих народов память о войне все еще жива сегодня, включая потери и жертвы, которых она потребовала. Путин, признавая это, ставит обе нации на одну сторону, на сторону добра, свободы, объединившись против общего врага, который готов пренебречь человеческой жизнью в угоду жадности. Итак, Путин стремится делегитимизировать украинское государство по аналогии с нацистами, в борьбе с которыми исторически

украинцы жертвовали жизнями.

Далее, еще более конкретная аналогия с солидарностью с нацистами как способом морального подрыва украинской политики проводится через ссылку на связь украинских националистов с Гитлером во время Второй мировой войны. В этой аналогии киевский режим сравнивается с крайними украинскими националистами, которые прибегли к сотрудничеству с Гитлером в попытке добиться независимости от Советского Союза, в то время как Гитлер является аналогом Запада, в частности США, который выступает в качестве главы Западного фронта. Как следует, в данном случае делегитимация достигается путем сравнения с двумя деструктивными субъектами.

Оставаясь верным теме Великой Отечественной войны, Путин дополнительно ссылается на российское население в своих морализаторских аналогиях, например, в "Путин пообещал рост зарплат и пенсий" (18.03.2022), где его подход к этим вопросам представлен следующим образом:

- 1) 'Они готовы мать родную продать, только бы им разрешили сидеть в прихожей этой касты.'
- 2) 'Путин даже сравнил политику Фейсбука (компания разрешила призывы к убийству русских солдат) с поведением фашистов. – Напрашиваются прямые аналогии с антисемитскими погромами, которые устраивали нацисты в Германии, – заметил президент.'

Во-первых, Путин имеет в виду русскую диаспору на Западе, уехавшую оттуда до или после конфликта, не возвращающуюся и проявляющую поддержки своей Родине перед кризисом – которые, таким образом, отказываются от своей идентичности как русские. Путин считает, что поскольку такие люди повернулись спиной к своему дому в поисках дешевой славы и иллюзии статуса, мир, которому они "продали свою родину", не решится выбросить их как ненужный хлам. Итак, подразумевается одобрение патриотизма, верности Родине, которая является единственным истинным домом и гарантией существования для своего народа. Такие настроения способствуют дальнейшему утверждению необходимости сильного государства в России, гарантирующего безопасность народам.

Далее Путин продолжает фашистскую тему, на этот раз ссылаясь на антисемитизм в контексте уравнения, в котором русские представляют евреев, которых презирали,

пытали и убивали нацисты, при этом представленные США, интересам которых служит Фейсбук как средство массовой информации. В то время как аналогии, проводимые между США и нацистами не редкость в риторике Путина, сравнение русских с евреями является своеобразным. В любом случае представление о России как о жертве нацистов тогда и сейчас, подтверждающее действия России по отношению к другой стороне, остается последовательным.

Наконец, личная ценность и популярность Путина также легитимизируются благодаря аналогиям с российской историей, как показано в статье "Только факты: Какой Путин принял Россию и какой сделал" (07.10.2022):

‘Например, Петр Первый или Сталин много воевали и строили. Но и Петербург, и Беломорканал построены на костях, не говоря уж про потери в войнах. [...] Как Брежнева. Путин удивительно соединил все три качества.’

Здесь Путина открыто сравнивают с великими советско-российскими лидерами, а именно Петром Великим, Сталиным и Брежневым благодаря их достижениям. Подразумевается, что Путин не только добился такого же успеха, как упомянутые лидеры, но и что Путин сделал это лучше; без крови и жертв, с достоинством. То есть Путину удалось построить и продвинуть нацию вперед, как Петру Великому, индустриализировать и революционизировать ее экономику, как Сталину в дополнение к поддержанию брежневской стабильности в стране. Более того, Путина характеризуют как сочетающего в себе лучшие качества всех трех лидеров, возможно, даже превышающие их сумму. Как установлено, такие изображения президента являются неотъемлемыми в той мере, в какой они служат основой его руководства, в первую очередь основанного на культе личности.

6.3 Легитимация посредством рационализации

Рационализация связана с легитимацией практик в силу их инструментальной ценности, определяемой в терминах целей, средств или последствий или на основе теоретической рационализации, включая объяснения, определения и предсказания. И то, и другое очевидно в дискурсе Путина, особенно в отношении украинского конфликта и состояния международных дел.

6.3.1 Инструментальная рационализация

Что касается моего анализа, то инструментальная рационализация, связанная с

легитимностью Путина, проявляется в необходимости проведения ‘специальной операции’, а также в перекладывании ответственности за ее последствия на “другого”. Начнем с нескольких найденных простых примеров в статье "Владимир ПУТИН: Это защита самой Украины от тех, кто взял ее в заложники" (25.02.2022), где Путин цитируется как оправдывающий начало спецоперации таким образом:

- 1) ‘Вызывают особую озабоченность фундаментальные угрозы нашей стране. Имею в виду расширение НАТО.’
- 2) ‘Ее цель – защита людей, которые 8 лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима.’

Во-первых, Путин начинает с того, что предвещает события, приведшие к решению начать спецоперацию в Украине, то есть распространение НАТО на восток, несмотря на предыдущие договоренности не делать этого. Как было установлено ранее в моем исследовании, режим Путина рассматривал это как непосредственную угрозу национальной безопасности; это мнение отражено в замечании о "фундаментальных угрозах". Следовательно, незаконная политика, проводимая НАТО, преподносится как обоснование того, что Россия вынуждена начать операцию для защиты страны.

Во-вторых, цель операции определяется в терминах спасения угнетенного (русскоязычного) населения восточной Украины, которое в течение восьми лет подвергалось геноциду со стороны фашистского киевского режима. То есть, помимо вопросов национальной безопасности, Путина подталкивает его служение всем россиянам, даже тем, кто находится за пределами Российской Федерации, и моральный долг перед зверствами, совершаемыми против них незаконным режимом. Приведенные выше примеры иллюстрируют легитимацию путинского лидерства посредством инструментальной рационализации, при которой операция рационализируется с помощью цели защиты страны и российского народа.

Другим примером использования Путиным инструментальной рационализации для сохранения своей поддержки является то, что он представляет ухудшившееся состояние российской экономики в результате санкций, бойкотов и т.д., вызванных операцией. То есть российский президент осознает реальное влияние санкций на социально-экономическое развитие России и то, как это, вероятно, негативно отразится на его популярности, и поэтому он стремится нейтрализовать этот эффект, переложив ответственность на Запад. Это очевидно в статье ‘Путин пообещал рост зарплат и

пенсий" (18.03.2022):

- 1) 'Так государство планирует ответить на всплеск инфляции из-за санкций Запада. Президент провел совещание по поддержке регионов во время санкций.'
- 2) 'Операция развивается успешно, по плану, – добавил президент.'

В первой цитате Путин начинает с того, что говорит об ответственности российского правительства за преодоление экономических потрясений, вызванных санкциями, имея в виду экономическую поддержку регионов. С другой стороны, то, что эти трудности являются прямым результатом западных санкций, также выражено ясно; здесь инструментальная рационализация путинской политики достигается путем одновременной легитимации себя и делегитимации "другого". Иными словами, процесс состоит в том, чтобы подчеркнуть ответ государства на проблему в поддержку народа, в дополнение к указанию на то, что ответственность за проблему лежит в другом месте – на деспотическом, лицемерном Западе.

Далее, в первой цитате Путин пытается заверить аудиторию в том, что операция продвигается успешно и оправдана этим успехом. Можно было бы предположить, что этот процесс основан на идее о том, что успех операции является показателем ее обоснованности, а также прибыльности, в дополнение, конечно, к тому, чтобы успокоить национальное самолюбие в отношении военных способностей России, которые являются краеугольным камнем путинского режима. Как следует, оба примера демонстрируют инструментальную рационализацию, основанную на средствах, либо посредством подтверждения плана действий, либо успеха рационализуемого действия.

В аналогичном духе экономического дискурса Путин предполагает, что косвенно трудности, с которыми сейчас сталкивается нация, обернутся ей на пользу в статье "Путин предсказал мировую революцию" (28.10.2022):

‘Есть экономические потери. Но есть и огромные приобретения! То, что происходит, хорошо для России. ‘

Здесь Путин отмечает, что, несмотря на (экономические) потери, с которыми столкнулась страна и с которыми столкнется в будущем, в результате также будут получены выгоды. Считается, что эти позитивные результаты достигнуты благодаря экономическому развитию и внутренней силе, через которые страна пройдет в результате трудностей. Таким образом, здесь применяется инструментальная

рационализация, основанная на эффектах, для легитимации политики Путина.

Кроме того, две частичные мобилизации, которые были объявлены в России во время войны, вызвали недовольство населения и, следовательно, оказались причиной беспокойства при попытке сохранения популярности Путина. В свете этого Путин обращается к мобилизованным, ссылаясь на щедрые компенсации, обещанные за их жертвы в конфликте, в статье "Владимир ПУТИН: мы поддержим решение, которое будет принято на референдумах" (23.09.2022):

- 1) 'Граждане, призванные по мобилизации, получают статус, выплаты и социальные гарантии военнослужащих по контракту.'
- 2) 'Но мирное решение не устроило Запад, поэтому Киеву было дано прямое указание сорвать все договоренности.'

То есть в первой цитате Президент представляет вопрос мобилизации с точки зрения экономических и социальных льгот, которыми будут пользоваться солдаты, в качестве компенсации за их вклад на фронте. Это предложение сделано для того, чтобы стимулировать участие в борьбе за Родину, как будто бы у мобилизованных был шанс сделать выбор. Можно предположить, что цель и здесь состоит в том, чтобы смягчить удар и способствует нейтрализовать любую негативную реакцию, с которой столкнется Путин в результате мобилизации. Таким образом, можно сделать вывод, что легитимация власти Путина осуществляется посредством инструментальной рационализации, основанной на эффектах, где эффектами, обеспечивающими легитимацию, являются компенсация и статус, которые солдат получит в результате службы в Украине.

Далее, во второй цитате утверждение об отказе Запада урегулировать вопрос без кровопролития в качестве аргументации для начала операции со стороны России оформляется так же, как ответственность Запада. В контексте заявленной угрозы, которую Запад представляет для России, а также их подстрекательства к конфликту, российские военные усилия, включая мобилизацию, представляются как необходимость, находящуюся вне контроля российского государства. Ведь, как было установлено ранее, российское государство является единственным гарантом выживания своего народа, а для этого необходимо сильное государство с патриотически настроенными войсками. Здесь также применяется рационализация, ориентированная на эффект, поскольку причиной конфликта являются

неблагоприятные последствия западного деспотизма.

6.3.2 Теоретическая рационализация

В контексте моего анализа теоретическая рационализация как способ легитимации власти проявляется в теоретизировании, объяснениях и прогнозах развития экономики, конфликта, позиции России на международном уровне, а также западной повестки по отношению к России и глобально. В частности, теоретизация западного заговора и враждебных мотивов против России, по-видимому, является распространенной формой теоретической рационализации политики Путина как способа легитимизации его лидерства. В статье “Владимир ПУТИН: Это защита самой Украины от тех, кто взял ее в заложники” (25.02.2022) проблема рассматривается как таковая:

‘После развала Советского Союза начался передел мира, – начал обращение президент.’

То, что утверждается здесь, является началом предполагаемого западного заговора против России (по крайней мере, его последней редакции, начиная с 1991 года), согласно которому падение Советского Союза привело к возникновению однополярного мира с США в качестве его алчного гегемона и остальными членами "западного блока" как его приспешники. Россия, которая сейчас начала восстанавливать себя как мировая держава, рассматривается как исторически обреченная на величие и не будет подчиняться произвольным правилам, диктуемым Западом, поэтому воспринимается другой стороной как угроза. Такое теоретизирование часто цитируется Путиным, особенно в контексте конфликта и его побочных эффектов (инфляция, санкции, международные споры и т.д.) и применительно к международным отношениям в целом, чтобы установить рамки политики Путина. Эта тема является общей в повествовании Путина и далее упоминается в статье "Путин пообещал рост зарплат и пенсий" (18.03.2022), (1), а также в "Владимир ПУТИН: Западу не нужна сильная Россия. Она нужна нам!" (03.10.2022) (2,3):

- 1) ‘Путин предупредил, что Запад будет поддерживать пятую колонну внутри России.’
- 2) ‘Все государства, способные бросить вызов, автоматически зачисляются во враги.’
- 3) ‘Запад готов сохранить неокOLONиальную систему, собирать с человечества дань, собирать ренту гегемона.’

В первом случае постулирование западного заговора в отношении России, как

предполагает Путин, повлияет на российское общество изнутри, через общественные беспорядки, вызванные пятой колонной, которую Запад стремится установить в России. Это новое измерение угроз, исходящих от Запада, имеет решающее значение, поскольку оно помогает создать новую почву для усиления секьюритизации. Таким образом, эта новая угроза используется для рационализации действий Путина внутри страны и на международном уровне.

Далее перейдем к обоснованию презрения Запада к России. В соответствии с пониманием того, что Запад стремится создать деспотический мир, полностью подчиняющийся его правилам, и шантажирует и проблематизирует любого, кто выступает против этого, Россия, которая не откажется от своего суверенитета и морали, как следует, рассматривается Западным блоком как враг. Таким образом, это восстание, продемонстрированное Россией, в настоящее время следует рассматривать в контексте точки соприкосновения, которой является Украина. Например, Путин ссылается на право на самоуправление и международное вмешательство, в то время как Запад действительно утверждает, что Россия нарушает суверенитет Украины (и право на самоуправление). Следовательно, этот спор о применении международного права служит контекстом для заявлений о произволе и двойных стандартах как о лишении легитимности оппозиции.

Наконец, намекая на цели Запада, Путин приходит к выводу, что мировой порядок, которого желает Запад, не выгоден никому другому, поскольку остальные нации будут подчинены его деспотическому правлению, мало чем отличающемуся от колоний. Таким образом, как подразумевается, Россия служит не только своим собственным интересам, но и интересам общего блага, выступая против угнетателя; таким образом, утилитарное обоснование является частью этой теоретической рационализации. Все три примера демонстрируют теоретическую рационализацию в форме предсказаний и теоретизирования планов Запада в отношении России и природы нынешнего мирового сообщества как способ подтверждения позиции Путина в политике и, следовательно, легитимации его власти.

Что касается вопроса обеспечения безопасности, который является приоритетным для путинского режима, то Путин рассматривает сильное централизованное государство как саму основу национальной безопасности России и суверенитета, что подтверждается Путиным в статье "Владимир ПУТИН: Западу не нужна сильная

Россия. Она нужна нам!" (03.10.2022):

‘Мы добились независимости благодаря сильному централизованному государству и благодаря открытой для всех русской культуре.’

Здесь Путин ссылается на традицию сильного государства и главы страны как на основу исторической мощи и независимости России, даже перед лицом постоянных внешних угроз и презрения. Таким образом, сильное государство – в контексте Путина его часто характеризуют как этатизм – было и остается, пожалуй, самым важным аспектом российского суверенитета. Как следует, подразумевается, что централизованный контроль над институтами и деятельностью общества, такой как строгий контроль над информацией, необходим как исторический гарант выживания России и оправдан как ключевая опора путинского режима.

Аналогичным образом, что касается легитимации определенной политики посредством теоретической рационализации, российский лидер использует ее в отношении конкретной политики или принятых решений, таких как проведение операции на Украине, как показано в статье "Путин пообещал рост зарплат и пенсий" (18.03.2022):

‘Если бы наши войска действовали только на территории республик, это не привело бы к миру. Напротив, вокруг Донбасса пролегла бы новая линия фронта. Конфликт тянулся бы бесконечно.’

В данном случае Путин описывает развитие конфликта и соответствующее продвижение российских войск; объясняя, почему войска должны были выйти за пределы Донбасса, Путин предсказывает, что меньшее привело бы только к затяжному, если не к бесконечному конфликту. Таким образом, российская война на Украине (одобренная Путиным как главой государства) объясняется и оправдывается ссылкой на теоретический сценарий, представленный президентом; такой случай является конкретным примером теоретической рационализации как основы легитимации власти в контексте репрезентации Путина в СМИ.

6.4 Легитимация посредством мифопоэзиса

Мифопоэзис как средство легитимации относится к представлению практик и действий в контекстной истории, которая может подразумевать положительный результат (нравоучительная история) или отрицательный (поучительная история), таким образом укрепляя одни практики и осуждая другие. В контексте моего исследования этот

процесс морализации в основном достигается с помощью их акторов/персонажей, которые представлены в терминах архетипической траектории "хорошо-плохо", где Запад (или какой-то его эквивалент) обычно является предметом поучительной истории, в то время как Россия – главный герой нравоучительной истории.

6.4.1 Нравоучительная повесть

Итак, следующие примеры демонстрируют укрепление легитимности Путина посредством изображения российского триумфа и упорства, изображенных в своего рода моральной сказке. В настоящее время российская нация переживает ряд трудностей, которые, в свою очередь, иногда оформляются в виде уроков, как это сделано в статье “Президент ответил, <можно ли побыстрее на Украине>” (13.04.2022):

‘В чем проблема? Мы подсели на чужие технологии, перестали развиваться свои. А оказались возможны шаги вне правил.’

Здесь решается проблема зависимости России от иностранного импорта, включая технологии, что позволяет стране вместо этого пренебрегать развитием собственной промышленности и технологий. Такая зависимость от других не соответствует образу сильной, независимой России, продвигаемому Путиным, и является слабостью, как показал конфликт; из-за бойкотов и санкций, введенных в отношении России, страна испытывала трудности с получением материалов и технологий, необходимых для функционирования промышленности. Тем не менее, несмотря на то что Россия столкнулась с такой тяжелой ситуацией, она справилась и тем самым еще раз проявила себя как могущественная нация. Кроме того, страна научилась не попадать в технологическую или иную зависимость от посторонних, чтобы не оказаться в подобных обстоятельствах.

Это чувство находит дальнейшее отражение в статье "Путин предрек всемирную революцию" (28.10.2022), где мгновенная потеря веры перед лицом кризиса также включена в качестве аспекта моральной истории:

‘Еще недавно мы думали, что превращаемся в полуколонию: ни финансовых расчетов, ни технологий, ни рынков сбыта... Стоит щелкнуть – и развалимся. А нет! Ничего не развалилось. Фундаментальные основы оказались более сильными. По большинству направлений наш бизнес перехватывает тех, кто уходит, – ответил президент. – Мы осознали: мы великая страна. Мы можем это сделать!’

Помимо центральной темы триумфа России сквозь трудности, здесь подчеркивается аспект моральной силы и достоинства. То есть несмотря на опасения по поводу пагубных последствий полного развала российского общества и последующей потери статуса на международном уровне в результате удара, нанесенного российской экономике и промышленным предприятиям, кризис только укрепил мощь российской нации и укрепил ее решимость преуспеть. Следовательно, нравоучительная история здесь используется для того, чтобы рассказать о стойкости нации, преодолевшей одну невзгуду за другой. В то же время обращение Путина к такому ментальному ресурсу в то время, когда это было сделано, способствует моральному успокоению и прекращению принуждения в беспокойные времена. Несущий аналогичное послание Путин в "Владимир ПУТИН: Западу не нужна сильная Россия. Она нужна нам!" (03.10.2022) рассказывает историю современной России с момента ее рождения в 1991 году таким образом:

‘После распада СССР Запад решил, что всему миру придется мириться с его диктатом. Что Россия не оправится, развалится сама. Но Россия устояла, возродилась, окрепла.’

И снова делается намек на историческое величие России – помимо того, что Россия пережила геополитическую трагедию, которой стало падение Советского Союза, она только росла, развивалась и процветала. Более того, она сделала это, невзирая на насмешки и презрение, которым она подвергалась со стороны Запада, в дополнение к настойчивым попыткам воспрепятствовать продвижению России к величию (а теперь, похоже, и попыткам уничтожить существование российского государства). Как следует из вышесказанного, этот пример мифопоэзиса как средства усиления популярности Путина (посредством апелляции к чувству национальной гордости) включает в себя как героя – Россию, так и злодея – Запад. Таким образом, подразумевается, что Россия (персонифицированная в Путине) легитимирована по отношению к Западу.

6.4.2 Поучительная история

И наоборот, но аналогично рассказам о морали, предостерегающие истории цитируются для того, чтобы делегитимизировать повестку и действия "другого", который здесь обычно представлен Западом. Путин приводит предостерегающие истории, чтобы делегитимизировать Запад вместе с его действиями. Например, в статье "Владимир ПУТИН: Это защита самой Украины от тех, кто взял ее в заложники" (25.02.2022), западные выходки описываются как таковые:

‘Путин напомнил, к чему привела самоуверенность Запада. Сначала была кровавая операция в Белграде, потом Ирак, Ливия, Сирия...’

В этой краткой цитате Путин представляет конфликт как негативное следствие западного высокомерия таким образом, что его можно рассматривать как поучительную историю. С этой целью он формулирует причинно-следственную связь в терминах высокомерия как морально ущербной характеристики, которая, соответственно, приводит к плохому концу, в этом контексте, представленном примерами войн и гуманитарных кризисов, в которые были вовлечены США и НАТО в последние десятилетия, на фоне которых демонстрируется конфликт. Таким образом, предостерегающую цель здесь можно было бы рассматривать с точки зрения ненадлежащего ведения международных дел, примером чего является Запад, и результатов раздутого (национального) эго в этом процессе. Как предполагается, в результате возникают только насилие и ужас. Итак, то, за что выступает Россия (в лице Путина) в конфликте, легитимировано.

Далее, ссылаясь на роль Запада в создании поучительной истории, Путин ссылается на россиян, которые стремятся к процветанию и статусу на Западе и при этом готовы покинуть свою родину в "Путин пообещал рост зарплат и пенсий" (18.03.2022):

‘Они не понимают, что народ их выплюнет как случайно залетевшую в рот мошку, – заявил президент. – Убежден, такое естественное самоочищение только укрепит нашу страну.’

Таким образом, Путин ссылается на последствия предательства своей родной страны, своих корней и идентичности; поскольку эта страна создала их, это единственное место, где действительно будут заботиться об этих людях – по крайней мере, в случае России, которая может доверять только себе и зависеть только от себя самой. Следовательно, покинуть эту землю, как предлагает Путин, приведет только к тому, что вас покинет чужая земля, которая все равно никогда не заботилась о российских гражданах. При этом Путин гарантирует лояльность и веру в родину даже перед лицом трудностей. Продолжая сопоставлять Россию и Запад как персонажей поучительной истории, Путин цитирует нечто сродни карме в отношении (неоправданных) западных санкций в "Президент ответил, <можно ли побыстрее на Украине>" (13.04.2022):

Рост цен будет отражаться на Западе. Они-то рассчитывали, что санкции повлияют на Россию. Но, как всегда, ошиблись. Русский народ всегда сплачивается в кризис.’

То есть Путин указывает на намерение Запада нанести вред России санкциями, введенными на неоправданной основе в свете правоты России в конфликте; Запад ввел их назло России, но вместо этого сам пострадал от инфляции и повышения цен. В своем большом высокомерии они были введены в заблуждение (как обычно) и теперь будут нести ответственность за последствия. Итак, предостерегающая история заключается в том, что Запад недооценивает Россию и в результате сам пострадает.

Наконец, подчеркивая взгляд на путинскую Россию как на морально обоснованную нацию, которая, в дополнение к отказу подчиняться власти врага, также отказывается от своей моральной порочности, Путин обращается в статье к российским ценностям и устремлениям по отношению к Западу в статье "Владимир ПУТИН: Западу не нужна сильная Россия. Она нужна нам!" (03.10.2022):

‘Разве мы хотим, чтобы в России вместо мамы и папы были родитель номер один или два? Хотим, чтобы в школах с начальных классов детям навязывали извращения, вдалбливали, что есть гендеры вместо женщин и мужчин? Для нас это неприемлемо. У нас свое будущее. Диктатура западных элит направлена против всех обществ, такое полное отрицание человека, его ниспровержение – религия наоборот, откровенный сатанизм. ‘

Путин подразумевает здесь роль Запада как поучительного фактора о последствиях отказа от традиционных ценностей и практик, таких как религия, патриотизм, гетеронормативность и традиционная семья, которые составляют самое сердце российской нации. Этот момент связан с повествованием о моральной деградации, характерной для Запада, в соответствии с которым безбожные (либеральные) идеи о природе гендера и сексуальности рассматриваются как основа западных проблем. Рисуя абсурдистское, антиутопическое будущее, основанное на западных ценностях, Путин пытается прокомментировать опасности западного образа мышления; если русские не хотят в конечном итоге жить в искаженном аду, подобном тому, что существует на Западе, Россия должна стоять на своем и защищать российскую государственность и ценности. Как следует, Путин подстрекает к традиционалистским, консервативным ценностям, к которым он сам полностью присоединяется, и таким образом участвует в легитимизации своего собственного правления; конечно, есть притеснения, но ни одно из них не является таким ужасным, как моральное разложение всего мира в угоду западным, капиталистическим интересам. Таким образом, растущий консервативный авторитаризм и секьюритизация при Путине легитимированы предостерегающими ссылками на Запад.

6.5 Итоги анализа

Проведя свой анализ, я установила, что в дискурсе КП по отношению к президенту России Владимиру Путину присутствуют как прямые, так и косвенные способы легитимации власти. То есть наблюдаемые в ходе анализа все четыре категории используются по отношению к власти Путина. Начнем с первого аспекта: авторитет использовался в качестве основы легитимации власти посредством прямой ссылки на институциональную, личную, образцовую для подражания, экспертную, безличную и традиционную власть Путина и предполагает делегитимацию Запада на тех же основаниях. Такие ссылки наряду с моральной оценкой и рационализацией были использованы при изображении России с Путиным во главе как жертвы международного заговора, вражды и незаконного насилия, прибегающей к насилию только для обеспечения выживания и, как таковая, действующей наиболее гуманным из возможных способов защиты русских, украинцев и даже граждан других стран. остальной мир стал жертвой западного деспотизма. Одновременно, таким образом, Запад как "другой", который противопоставляется Россия, представлен как жадный, варварский, террористический, деспотический и, в конечном счете, всесторонне нелегитимный субъект. Это представление о России как о "хорошей", а о Западе как о "плохом" воплощено в отсылке к нравоучительным историям, в которых Россия выступает героем, а Запад — злодеем или поучительным примером.

Рассматривая Путина как своего рода синоним российской нации и государства, с одной стороны, и культ его личности как основу его власти — с другой, я далее предполагаю, что личные качества Путина упоминаются в качестве основы его легитимности, тем самым способствуя легитимности России в целом. Особенно различные аспекты авторитета, такие как личный, в сочетании с авторитетом образца для подражания используются при прямой легитимации власти Путина, основанной на его статусе своего рода национального героя. Я утверждаю, что статус Путина как любимого и прославляемого российского президента состоит из трех основных аспектов: отца, героя и духовно направленного лидера. С этой целью подчеркиваются положительные или достойные восхищения качества Путина, чтобы представить его как отеческую фигуру для нации, который силен, суров и всегда контролирует свою "семью", но также глубоко заботится о ней, истинно русский герой, который стремится вернуть России ее историческую славу, одновременно восстановив цивилизационную идентичность нации, а также восстановив ее статус великой державы во всем мире, и,

наконец, как морально возвышенный и духовно обоснованный лидер, который действует во имя всеобщего блага и перед лицом сил зла, поддерживая РПЦ и одновременно ассоциируя себя с указанной церковью.

Следовательно, можно утверждать, что результаты моего анализа подтверждают гипотезу о процессе легитимации (политической) власти посредством публичного дискурса в контексте России. То есть лидерство Путина во многом зависит от его личной популярности в отсутствие функциональной (демократической или иной) политической системы, которая определена и оправдана и, по сути, легитимизирована в общественном дискурсе, контролируемом государством. Таким образом, роль государственных СМИ, служащих в первую очередь интересам государства, заключается в поддержании политического единства в поддержку нынешнего режима путем устранения политической оппозиции, представления режима и его политики в позитивном свете. Таким образом, в случае с Путиным можно сделать вывод, что его популярность создается и поддерживается за счет его представительства в средствах массовой информации и поскольку эта популярность составляет основу его политической власти, лидерство Путина и представительство в средствах массовой информации взаимосвязаны.

С этой целью исследовательский вопрос, находящийся в центре моего исследования – как легитимируется лидерство Путина посредством публичного дискурса в российских СМИ, рассматривался на протяжении всего анализа, используя рамки, предоставленные четырьмя категориями легитимации ван Левена, включая аспекты как прямой, так и косвенной легитимации власти. В процессе, в соответствии с вопросами, заданными для того, чтобы помочь в моем анализе, я обнаружила, что российские (государственные) средства массовой информации являются активными участниками политических процессов, о чем свидетельствует их роль в формировании общественного мнения. Далее, я продемонстрировала конкретные проявления связи СМИ и политики в контексте Путина, такие как широкое оправдание военной операции России на Украине.

Что касается мнений, представленных в исследовании до анализа, я не вижу противоречия, подразумеваемого результатами анализа. В целом затронутые в нем темы, такие как национализм, патриотизм, исторические ссылки на величие России и Вторую мировую войну, а также качества и аспекты, которые способствуют

формированию культа личности вокруг президента, были преобладающими в проанализированном дискурсе. Согласно выбранной временной шкале анализа, украинский конфликт или спецоперация на Украине широко присутствовали в статьях, рассмотренных для этого анализа, как и российский нарратив вокруг украинского национализма: ссылки на фашизм, аналогии с союзом с Гитлером, а также сравнения с геноцидом сделаны Путиным в контексте конфликта (который, по крайней мере, в некоторой степени присутствует в большинстве статей). Примечательным было упоминание фашизма по отношению к врагу и антифашизма по отношению к России и ее повестке в конфликте, а также намеки на Великую Отечественную войну и нацизм в частности. Другим центральным аспектом, представленным ранее, но усиленным в ходе анализа, является представление о Путине как о национальном герое и последующем культе личности вокруг него.

С другой стороны, что было несколько удивительно, так это четкое представление Запада как злодея, даже чисто в контексте спецоперации. В то время как украинцев последовательно представляют и к ним относятся как к духовно единым с русскими нациями, и как таковые являются не чем иным, как жертвами, киевский режим, возглавляемый Западом вместо украинцев, представлен как главный преступник. Путин ссылается на общую историю и наследие народов, призывая украинских солдат отказаться от борьбы со своими "братьями". Таким образом, украинцев изображают заложниками в их собственной стране, подвергающимися геноциду в результате стремления Запада уничтожить Россию. Аналогичным образом, обычные жители Запада также представляются жертвами деспотического правления Соединенных Штатов. Можно было бы предположить, что это сделано для того, чтобы представить насилие спецоперации оправданным против глобального деспота (вместо украинцев), благодаря которому Путин защищает не только жизни украинцев, но и благосостояние мирового сообщества в целом. Этот нарратив также возлагает на Запад ответственность не только за гибель россиян, но и украинцев, а также за страдания Запада в результате экономического и энергетического кризисов.

Поскольку я смогла провести многогранный анализ материала, используя выбранную методологическую основу, установленную ван Левеном и основанную на центральных понятиях критического дискурс-анализа, я прихожу к выводу, что обе использованные теоретико-методологические основы были уместными и оправданными. Методология ван Левена по изучению легитимации в дискурсе облегчает многоаспектный и

всесторонний анализ текста для конкретных исследовательских целей и легко адаптируется от одного жанра к другому. Четыре категории легитимации позволяют разносторонне изучать как лингвистические, так и социальные аспекты дискурсы, что актуально с точки зрения предмета и материала моего анализа; как показывают результаты анализа, в проанализированных дискурсах использовалось множество средств легитимации власти.

Большинство статей, которые были взяты для этого анализа, по крайней мере, включали, если не состояли в основном, цитаты из выступлений Путина, и, таким образом, фокус исследования пришлось адаптировать, чтобы включать выступления Путина, а не только текстах об него. Более того, косвенное цитирование слов Путина в статье представляет собой целенаправленное представление о нем; использование газеты КП в качестве широко популярной платформы для передачи его присутствия в СМИ также обдуманно и политически мотивировано. Благодаря обращениям Путина, переданным через поддерживаемое государством средство массовой информации, определить способы легитимации власти не трудно, хотя для этого требуется знание социального, культурного, исторического и политического контекста, в котором они используются. Тем самым кажется очевидным, что связи в изучаемом дискурсе сложны, взаимосвязаны и многогранны, а это в свою очередь местами усложняет анализ.

Как следует, я признаю, что как вследствие социально-политической взаимосвязанности аспектов, используемых Путиным в дискурсе и относящихся к нему, так и из-за разнообразия используемых статей, анализ местами может показаться пристрастным с точки зрения категории приписываемой легитимации. Уточняя, я обнаружила, что часто, например, дискурсы рационализации и морализации переплетались; использование Путиным справок на особенности Великой Отечественной войны часто влечет за собой историко-культурное обоснование, морально обусловленное обращение к российскому народу, в дополнение к тому, что оно также связано с процессами рационализации. Кроме того, я полагаю, что ссылка как на прямые, так и на косвенные средства легитимации хотя и оправдана как необходимая для всестороннего анализа, но местами может сделать анализ запутанным и даже, казалось бы, не относящимся к сути основного вопроса исследования.

Я полагаю, что благодаря моему анализу было получено представление о способе

освещения политики в российских (государственных) СМИ посредством контроля ущерба в контексте различных социально-политических кризисов, возникших в результате конфликта. Таким образом, требуется конкретное понимание как медийно-политических структур в России, так и возможных целей и планов режима на будущее. Хотя я не претендую на уникальность своей работы или ее вклад в область исследований, я утверждаю, что проведение большего количества подобных исследований, особенно в контексте кризисов, подобных тем, с которыми в настоящее время сталкивается российское общество, было бы полезно для облегчения нашего понимания взаимоотношений между государством и нацией в России.

Заключение

В этой работе я изучала репрезентацию Владимира Путина в *Комсомольской правде* во время войны в Украине и способы легитимации власти в ней. Мое исследование основано на гипотезе о том, что политическое лидерство Владимира Путина легитимируется в публичном дискурсе, с одной стороны, и этот дискурс контролируется российским государством, которое как таковое служит своим собственным интересам в поддержании режима посредством манипулирования общественным мнением, с другой стороны. То есть как лидер авторитарного государства, где политика не функционирует на демократической основе, власть и лидерство Путина легитимизируются вне демократических политических процессов и вместо этого зависят от его личной популярности. Как следует, в медийно-политической системе, существующей при Путине, при которой поток информации строго контролируется государством, как посредством цензуры, так и пропаганды, а основные СМИ работают в поддержку режима. Я утверждаю, что власть Путина узаконена в дискурсах российских государственных СМИ, таких как КП. Исходя из этого, целью данного исследования было изучить как прямые, так и косвенные способы легитимации власти Путина в российских государственных СМИ.

Украинская война была выбрана в качестве временной темы моего исследования вследствие ее нынешнего значения как крупного геополитического события в Европе 21 века, а также в контексте путинской (силовой) политики. Поскольку напористая внешняя политика является определяющей чертой правления Путина и краеугольным камнем его лидерства, спецоперация как самое последнее событие его властной политики предлагает релевантный контекст для изучения легитимации власти Путина и репрезентации в СМИ как взаимосвязанных частей политического процесса. Я начала свое исследование с контекстуализации темы исследования с упоминанием ее разнообразных аспектов, включая исторические российско-украинские отношения (как корни нынешнего конфликта), историю политического лидерства в России (чтобы заложить основу для нынешнего руководства), лидерство и популярность Путина (как контекст нынешнего конфликта), а также развитие российских СМИ (чтобы проиллюстрировать значение "государственных" СМИ). Наконец, я представила теоретическую и методологическую основу своего анализа, сославшись на основные идеи критического дискурсивного анализа в поддержку моей гипотезы о злоупотреблении властью через публичные СМИ, а также на модель ван Левена для

анализа легитимации власти в дискурсе. Здесь предполагается, что власть Путина в авторитарном государстве влечет за собой злоупотребление властью, которое узаконивается поддерживаемыми государством СМИ.

Сам анализ проводился в соответствии с четырьмя категориями легитимации, установленными ван Левеном, с учетом общих черт и особенностей в каждой категории. Для начала я представила авторизацию как средство легитимации в ее различных аспектах, принимая во внимание их прямое и косвенное использование по отношению к Путину и неблагоприятное использование по отношению к его оппозиции. Далее я обратилась к использованию моральной оценки и рационализации как отличных, но дополняющих друг друга средств легитимизации руководства Путина посредством оправдания его политики. Здесь тоже происходит процесс делегитимации через морально и рационально обоснованное осуждение Запада как противника России. Наконец, в качестве назидательного примера я представила использование Путиным мифопоэзиса как способа легитимации своей повестки дня посредством представления России в качестве героя нравоучительных историй в противовес Западу.

Итак, результаты анализа подтверждают мою гипотезу о легитимизации власти Путина и усиленный российскими государственными СМИ; в изученных новостных текстах было выявлено множество способов легитимации. Основываясь на утверждении, что анализ был должным образом и успешно проведен с использованием выбранной методологии, я также предполагаю, что применение этой методологии было оправданным. Как показывают результаты анализа в поддержку гипотезы, можно сделать вывод, что в контексте путинской России основные средства массовой информации действуют под государственным контролем и с политической повесткой дня, передавая позитивное представление о руководстве. Этот постполитический процесс в случае Путина, чье лидерство определяется культом личности прославленного национального героя, особенно примечателен.

Этот статус в глазах общественности поддерживается позитивным укреплением лидерства и повестки Путина, противостоящего нелегитимному, враждебному и осуждаемому врагу – Западу. Как предполагается, статус Путина как символа культа его личности в первую очередь основан на святой троице его прославленных качеств, включая его изображение как заботливого отца о своей нации, как великого русского

героя, спасителя нации, а также его как духовную личность. Именно в контексте такого образа представлена авторитарная политика Путина как необходимая, исторически обоснованная и морально оправданная. Более того, как установлено, это делается одновременно с делегитимацией "другого", на фоне которого конструируются Путин, его имидж и повестка дня.

Тем самым я утверждаю, что мое исследование актуально благодаря его вкладу в изучение функционирования авторитарного режима при Путине; контроля и использования информации для поддержания политической поддержки и контроля над населением и роли СМИ в политических процессах. Я полагаю, что мое исследование прольет свет на особенности путинского лидерства в историко-культурном контексте России. Поскольку в проведенном мной исследовании можно получить представление об отношениях власти и политическом влиянии в России, я считаю, что такое исследование важно, особенно в контексте текущей мировой политики для понимания продолжающегося конфликта и его последствий на международном уровне и для России и Путина в частности. Такое понимание следует рассматривать как основу для осознания российского общества в конце конфликта и его дальнейшего направления развития. Действительно, актуально проводить дальнейшие исследования реального значения политических СМИ в авторитарном (не тоталитарном) обществе с точки зрения фактического значения политической пропаганды и цензуры для общественного мнения режима и того, могут ли они поддерживаться независимо от общественного мнения.

При этом, помимо актуальности и обоснованности моего исследования, успешного достижения целей или неудачи в нем, данная работа содержит некоторые недостатки, которые я могу признать ретроспективно. К ним относится неоднозначность анализа, в результате чего многогранность предмета, а также пересечение его аспектов привели к сложному и, возможно, даже немного неясному анализу. Принимая во внимание это, я также предполагаю, что тема моего исследования, возможно, была слишком широкой, на что также указывает количественный объем работы. Обе ошибки я частично приписываю изменениям, внесенным в отношении предмета и средств исследования в сжатые сроки. Я полагаю, что как объем исследования, так и проведение самого анализа были бы более уместными в суженной теме исследования.

Источники

Первичные источники:

АДАМОВИЧ, Олег. 'Владимир ПУТИН: Это защита самой Украины от тех, кто взял ее в заложники', *Комсомольская правда*, 25.02.2022 (№ 21). <https://aclient-integrum-ru.libproxy.tuni.fi/gate/?name=tampere>

АДАМОВИЧ Олег. 'Путин пообещал рост зарплат и пенсий', *Комсомольская правда*, 18.03.2022 (№ 30)

АДАМОВИЧ Олег. 'Путин поддержал генетические тесты для будущих мам', *Комсомольская правда*, 22.03.2022 (№ 31)

АДАМОВИЧ Олег. 'Президент ответил, <можно ли побыстрее на Украине>', *Комсомольская правда*, 13.04.2022 (№ 41)

АДАМОВИЧ, Олег. 'Путин отстоял службу в храме Христа Спасителя и поздравил россиян', *Комсомольская правда*, 25.04.2022 (№ 46.5)

АДАМОВИЧ, Олег, АЛФИМОВ Валентин. 'Владимир ПУТИН: На Украине экстремизм на государственном уровне', *Комсомольская правда*, 17.05.2022 (№ 55).

АДАМОВИЧ, Олег. 'Путин объяснил, почему укрепляется рубль', *Комсомольская правда*, 24.05.2022 (№ 58)

АДАМОВИЧ, Олег. 'Владимир ПУТИН: Западу не нужна сильная Россия. Она нужна нам!', *Комсомольская правда*, 03.10.2022 (№ 115.5)

АДАМОВИЧ, Олег. 'Путин предрек всемирную революцию', *Комсомольская правда*, 28.10.2022 (№ 126)

АДАМОВИЧ, Олег. 'Путин хочет лично встретиться с мобилизованными', *Комсомольская правда*, 08.11.2022 (№ 130)

АЛФИМОВ Валентин. 'Путин рассказал о санкциях <империи лжи>'. *Комсомольская правда*, 01.03.2022 (№ 22)

АЛФИМОВ, Валентин. ‘Урок от президента’, *Комсомольская правда*, 02.09.2022 (№ 102)

АЛФИМОВ, Валентин. ‘Путин – десантнику: – Патрон в патроннике? – Так точно!’, *Комсомольская правда*, 21.10.2022 (№ 123)

ГРАЧЕВ, Иван. ‘Владимир ПУТИН: Мы поддержим решение, которое будет принято на референдумах’, *Комсомольская правда*, 23.09.2022 (№ 111)

ГРАЧЕВ, Иван. ‘Только факты: Какой Путин принял Россию и какой сделал’, *Комсомольская правда*, 07.10.2022 (№ 117)

ЛЯЛИН, Роман. ‘Как будущий президент в советское время отмечал Новый год’, *Комсомольская правда*, 30.12.2022 (№ 153)

Вторичные источники:

Akhmadov, I. et al. *The Chechen Struggle: Independence Won and Lost*. New York: Palgrave Macmillan US, (2010).

Alyukov, Maxim. News Reception and Authoritarian Control in a Hybrid Media System: Russian TV Viewers and the Russia-Ukraine Conflict. *Politics* (Manchester, England) (2021).

Beumers, Birgit, Hutchings, Stephen, and Rulyova, Natalia. *The Post-Soviet Russian Media : Conflicting Signals*. London: Routledge, (2009).

Breslauer, George W. Reflections on Patterns of Leadership in Soviet and Post-Soviet [Russian] History. *Post-Soviet affairs* 26, no. 3 (2010): 263–274.

Casula, Philipp. The Road to Crimea: Putin’s Foreign Policy Between Reason of State, Sovereignty and Bio-Politics. *Russian Analytical Digest*, (2014).

Dijk, Teun A. van. *Discourse and Power*. Basingstoke [England] ; Palgrave Macmillan, 2008

Fairclough, Norman in (eds.) Gee, J. P., & Handford, M. *The routledge handbook of discourse analysis*, (2013).

Franklin, Simon and Bowers, Katherine. *Information and Empire : Mechanisms of Communication in Russia, 1600-1850*. 113th edition. Cambridge, United Kingdom: Open

Book Publishers, (2017).

Graeme, Gill in (eds.) Cheles, Luciano, and Alessandro Giaccone. *The Political Portrait: Leadership, Image and Power*. Milton: Taylor and Francis, (2020).

Holman, G. Paul. Russo-Ukrainian Relations: The Containment Legacy. In *Ethnic Nationalism and Regional Conflict*, 77–99. 1st ed. United Kingdom: Routledge, (1994).

Inozemtsev, Vladislav. “From Muscovy to Russia and Back: The Aftermath of the Russo-Ukrainian War.” *Israel journal of foreign affairs* 16, no. 2 (2022): 188–196.

Kazun, Anastasia. Framing Sanctions in the Russian Media: The Rally Effect and Putin’s Enduring Popularity. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 24, no. 3 (2016): 327-350.

Kiriya, Ilya. “New and Old Institutions Within the Russian Media System.” *Russian journal of communication* 11, no. 1 (2019): 6–21.

Koposov, Nikolay. The Only Possible Ideology: Nationalizing History in Putin’s Russia, *Journal of Genocide Research* (2022), 24:2, 205-215.

Lawrence, Paul. *Nationalism: History and Theory*. Taylor and Francis, 2016

Luoma-Uhlik, Lucas V. A., Reframing the Present: An Analysis of Competing Russo-Ukrainian Historical Narratives and Their Role in the Ongoing Ukrainian Crisis, *The General Assembly* (2021), Vol. 2, No. 1.

Pasitselska, Olga. “Ukrainian Crisis through the Lens of Russian Media: Construction of Ideological Discourse.” *Discourse & communication* 11, no. 6 (2017): 591–609.

Petersson, Bo. “Taking the Shortcut to Popularity: How Putin’s Power Is Sustained through Ukraine.” *Russian analytical digest*, no. 148 (2014): 6–.

Plokhyy, Serhii. *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Postoutenko, Kirill & Darin Stephanov. *Ruler Personality Cults from Empires to Nation-States and Beyond: Symbolic Patterns and Interactional Dynamics*. Milton: Taylor and Francis, 2020.

Rasizade, Alec. “Putin’s Place in Russian History.” *International politics* (Hague,

Netherlands) 45, no. 5 (2008): 531–553.

Reuter, Ora J. *The Origins of Dominant Parties: Building Authoritarian Institutions in Post-Soviet Russia*. New York: Cambridge University Press, 2017.

Roudakova, Natalia. *Losing Pravda: Ethics and The Press in Post-Truth Russia*. United Kingdom, Cambridge University Press (2017).

Ryvchin, Alex. Understanding the Russo–Ukrainian War Through the Prism of Russian History, *Israel Journal of Foreign Affairs*, 16:2, (2022) 184-187.

Sakwa, Richard. *Russia Against the Rest : the Post-Cold War Crisis of World Order*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Sakwa, Richard. *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. London: I. B. Tauris & Company, Limited, 2015.

Simons, Greg. Stability and Change in Putin’s Political Image During the 2000 and 2012 Presidential Elections: Putin 1.0 and Putin 2.0? *Journal of political marketing* 15, no. 2-3 (2016): 149–170.

Strovsky, Dmitry L. “The Media as a Tool for Creating Political Subordination in President Putin’s Russia.” *Styles of communication* 7, no. 1 (2015): 128–149.

Toal, Gerard. *Near Abroad: Putin, the West and the Contest over Ukraine and the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press, Incorporated, (2017).

Treisman, Daniel. Why Putin Took Crimea: The Gambler in the Kremlin. *Foreign affairs* (New York, N.Y.) 95, no. 3 (2016): 47–54.

Treisman, Daniel. Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia Under Yeltsin and Putin. *American journal of political science* 55, no. 3 (2011): 590–609.

Van Leeuwen, Theo. Legitimation in discourse and communication. *Discourse & Communication*, 1(1), (2007) 91–112.

Vartanova, Elena. Russian Media: a Call for Theorising the Economic Change. *Russian journal of communication* 11, no. 1 (2019): 22–36.

Vartanova, Elena in (eds.) Hallin, Daniel C., and Paolo Mancini. *Comparing Media Systems Beyond the Western World*. Edited by Daniel C. Hallin and Paolo Mancini. Cambridge:

Cambridge University Press, (2012).

Wiatr, Jerzy J. *Political Leadership Between Democracy and Authoritarianism Comparative and Historical Perspectives*. 1st. ed. Leverkusen: Verlag Barbara Budrich, (2022).

Zasurskiĭ, Ivan. *Media and Power in Post-Soviet Russia*. London, [England] ;; Routledge, (2016).

Интернет материал:

‘Санкции Великобритании расширили еще на 206 россиян’, interfax.ru (02/2022).

Газета. <https://www.interfax.ru/world/834733> [посмотрено 20.1.2023]

Parekh, Marcus. ‘Britain sanctions Russian war correspondents in crackdown on propaganda’, telegraph.co.uk (05/2022). Газета. <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2022/05/04/britain-sanctions-russian-war-correspondents-crack-propaganda/>

[посмотрено 20.1.2023]

‘Russia media guide’, BBC.com, (03/2022). Газета. <https://www.bbc.com/news/world-europe-17840134> [посмотрено 15.1.2023]

